Р.М.Нижегородцев

НЕРАВНОВЕСНАЯ ДИНАМИКА МАКРОСИСТЕМ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИРОВОГО КРИЗИСА

Новочеркасск
«НОК»
2011

Р.М.Нижегородцев

НЕРАВНОВЕСНАЯ ДИНАМИКА МАКРОСИСТЕМ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИРОВОГО КРИЗИСА

Новочеркасск
«НОК»
2011

УДК 330
ББК 65.01
Н60

Исследование проведено при частичной поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-02-00280а)

Рецензенты:

Московченко В.М.,
д.э.н., профессор Южно-Российского государственного технического университета (НПИ);

Пивоварова М. А.,
д.э.н. профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Нижегородцев Р.М.

Н 60 Неравновесная динамика макросистем и механизмы преодоления мирового кризиса: Новочеркасск: «НОК», 2011. - 100 с.
ISBN 978-5-8431-0220-3

Монография закладывает основы парадигмы макроэкономического неравновесия. С позиций этой парадигмы обсуждаются основные сценарии динамики современных неравновесных макросистем, находящихся в состояниях рецессионного и инфляционного разрыва. Показаны различия в логике управления макросистемами этих типов.

На основе моделей макроэкономического неравновесия исследуются основные причины и механизмы развертывания мирового экономического кризиса 2008-2009 годов, в том числе специфика кризисных проблем США, Европейского Союза и России, показаны возможные пути и перспективы преодоления кризиса.

Для специалистов в области макроэкономики и макроэкономической политики, мировой экономики, а также аспирантов и студентов старших курсов экономических и инженерно-экономических специальностей.

УДК 330
ББК 65.01

ISBN 978-5-8431-0220-3 © Нижегородцев Р. М., 2011

ВНИМАНИЕ!!!

Нумерация страниц в оглавлении соответствует печатному изданию и не согласуется с представленным электронным вариантом.

В ссылках рекомендуем указывать страницы согласно оглавлению.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1 Неравновесная динамика в модели AD — AS 6

1.2. Стимулирование роста текущего ВВП 15

1.3. Сценарии макроэкономического неравновесия в модели AD—AS 18

1.4. Феномен плановой экономики: тайна «социализма» раскрыта 23

ГЛАВА 2 Циклическое неравновесие экономической динамики 32

2.1. Общие основы экономической цикличности: флуктуации и циклы 32

2.2. Марксова теория промышленного цикла 36

2.3. Циклическое неравновесие мультипликационных эффектов 42

2.4. Промышленный цикл в модели AD—AS: экономика рецессионного разрыва 47

2.5. Среднесрочный цикл в модели AD—AS: экономика инфляционного разрыва 51

ГЛАВА 3 Мировой экономический кризис и неравновесная динамика мирового хозяйства 54

3.1. Спрос на деньги: мифы современной экономической науки 54

3.2. Предкризисная экономика США: логика рецессионного разрыва 60

3.3. Альтернатива Хаавельмо: логика мультипликационных эффектов 63

3.4. Проблемы Европейского Союза 71

3.5. Специфика России: угрозы и возможности 76

3.6. Архитектура глобальной экономики: основные уроки и выводы 84

Литература 96

ВВЕДЕНИЕ

Логическая возможность макроэкономического равновесия отнюдь не доказывает, что реальная, наблюдаемая нами макросистема находится в равновесном состоянии. Его наличие необходимо всякий раз доказывать (или опровергать) при помощи макроэкономического анализа. В противном случае мы не вправе исходить из молчаливого предположения о том, что изучаемая макросистема равновесна.

Напомним, что факт равновесия макросистем означает одновременное выполнение следующих условий.

1. Валовой выпуск макросистемы распадается на потребление и сбережения, или, иначе говоря, сумма средних склонностей к потреблению и сбережению составляет единицу.

2. Каждая следующая единица приращения валового выпуска также распадается на приращение потребления и приращение сбережения, т.е. сумма предельных склонностей к потреблению и сбережению также составляет единицу.

3. Объем сбережений равен объему инвестиций.

4. Объемы совокупного спроса и совокупного предложения в макросистеме совпадают.

Большинство содержательных выводов о поведении макросистем, предлагаемых современной экономической наукой, получено в предположении о равновесном характере динамики этих систем. Стоит ли удивляться тому, что эти умозаключения категорически непригодны ни для анализа реальной экономики, ни – тем более – для разработки мер макроэкономической политики.

Доминирование так называемой парадигмы равновесия в современной экономической науке выражается, в частности, в том, что в ней до сих пор состояние макроэкономического равновесия считается «нормальным», «типичным» и потому достойным изучения. Именно по этой причине важнейшие макроэкономические модели считаются моделями макроэкономического *равновесия*, тогда как в реальной жизни все обстоит наоборот: типичным и потому заслуживающим первоочередного внимания является состояние неравновесия. Точно так же, когда речь идет о макроэкономической динамике, теория чаще всего обсуждает проблему *восстановления* равновесных состояний макросистемы, тогда как на самом деле типичной нормой является череда переходов от одних неравновесных состояний к другим.

Это противоречие между теорией и реальной жизнью приводит к тому, что о логике поведения реальных макросистем (не описываемых в учебниках, а наблюдаемых в жизни) мы знаем на удивление мало – настолько мало, что лица, принимающие решения, до сих пор не находят вразумительных ответов на понятные и, казалось бы, давно поставленные вопросы, касающиеся логики регулирования современных экономических систем.

Данная работа закладывает основы парадигмы неравновесия в современной экономической науке.

Прежде всего, мы рассмотрим важнейшие макроэкономические модели как модели макроэкономического неравновесия. Далее мы проследим простейшую, первичную классификацию неравновесных состояний и обсудим сценарии динамики неравновесных макросистем. Затем мы рассмотрим циклический характер экономической динамики с позиций парадигмы неравновесия. Наконец, на основе этой парадигмы обозначим механизмы развертывания мирового экономического кризиса и наметим основные условия и пути его преодоления.

Данная работа написана на основе некоторой части лекций, прочитанных в июне 2011 года в Карагандинском государственном техническом университете в качестве руководителя программы повышения квалификации преподавателей, которая называлась «Экономика инноваций и Макроэкономическая политика». Кроме того, расширенная об-

зорная лекция на данную тему была прочитана в мае 2011 года в рамках «Недели науки» в Южно-Росссийском государственном техническом университете.

Многочисленные выступления автора, посвященные мировому кризису и прошедшие в различных научных учреждениях и учебных заведениях России и ближнего зарубежья в течение 2008-2011 годов, убедили в необходимости записать и систематизировать основные положения, касающиеся природы современного кризиса, его причин, механизмов его развертывания и путей преодоления.

Наконец, более чем семилетний опыт преподавания курса макроэкономики в магистратуре Финансового университета при Правительстве РФ побудил автора записать лекции, наиболее заметно отличающиеся от «канонического» варианта, излагаемого в подавляющем большинстве существующих и используемых на сегодняшний день учебников и учебных пособий.

ГЛАВА 1
Неравновесная динамика в модели AD — AS

Модель AD—AS представляет собой простейшую и в то же время весьма богатую по своим эвристическим возможностям модель взаимосвязи (взаимодействия) агрегированных параметров. Совокупный спрос AD (aggregate demand) и совокупное предложение AS (aggregate supply) являются наиболее общими агрегированными параметрами, характеризующими динамику макроэкономической системы. Иногда модель AD—AS называют (и считают) моделью макроэкономического *равновесия*, что, как мы увидим несколько далее, лишено разумных оснований.

Модель AD—AS строится в координатах (P, Y), где P — общий уровень цен в макроэкономической системе, Y — текущий итог ее хозяйственной деятельности (текущий реальный ВВП или национальный доход).

1.1. Кривые совокупного спроса и совокупного предложения

Подобно кривым спроса и предложения на кресте Маршалла, выражающем равновесие на частном (отраслевом) рынке, кривая совокупного спроса в координатах (P, Y) монотонно убывает, а кривая совокупного предложения — монотонно растет. Однако для обоснования этих фактов логика частного рынка не подходит: динамику агрегированных параметров нельзя объяснить тем, что с ростом цены сужаются возможности покупателей и возрастает мотивация производителей. Поэтому рассмотрим поведение этих кривых подробнее.

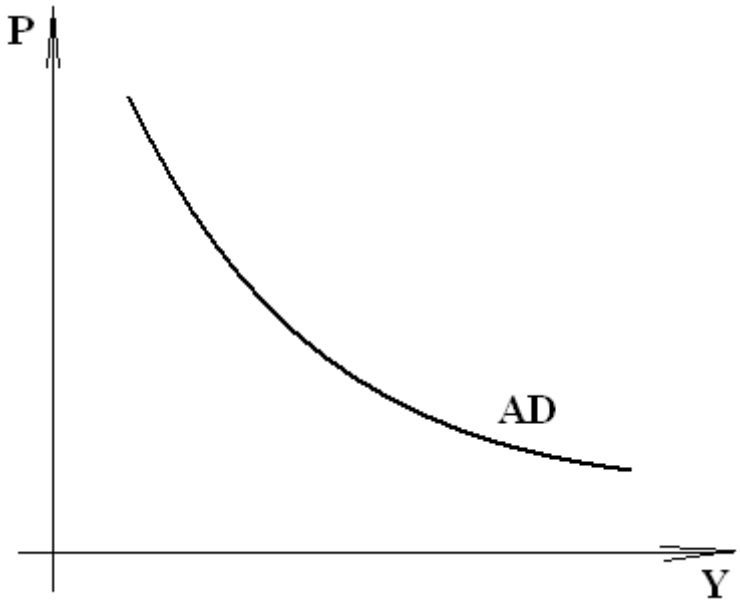

Рис. 1.1. Кривая совокупного спроса

Совокупный спрос состоит из нескольких частей, соответствующих логике расчета потребленного ВВП: его составляют конечное личное потребление, валовые инвестиции (частные и государственные), государственные расходы (госзакупки, госзаказ) и нетто-экспорт. Величина совокупного спроса, таким образом, может быть выражена формулой:

$$Y_{AD} = C + I + G + X_n.$$

Монотонное убывание кривой AD (рис. 1.1) обусловлено тремя основными причинами.

1. Эффект Кейнса (эффект процентной ставки). Рост общего уровня цен стимулирует возрастание спроса на деньги, следовательно, растет ставка процента R, а значит, падает совокупный спрос. Прежде всего это падение касается одной из составных частей

AD, а именно — объема валовых инвестиций I, непосредственно зависящего от уровня процентной ставки. Объем конечного личного потребления зависит от коммерческой ставки процента далеко не во всех макросистемах, а лишь в тех, где высокой степени развития достигли отношения потребительского кредита, иначе говоря – там, где население привыкло жить в долг, решая долгосрочные потребительские проблемы за счет заемных ресурсов.

2. Эффект Пигу (эффект богатства). Рост общего уровня цен означает падение реальной стоимости финансовых активов (отношения объема денежной массы M к общему уровню цен P) и, стало быть, снижение реального дохода частных агентов, в предположении, что номинальная величина их дохода не изменилась. Следовательно, снижается совокупное потребление, которое составляет одну из важных частей совокупного спроса. В основе данной закономерности потребительского поведения лежит важный факт: рост покупательной способности денег создает субъективное ощущение увеличения богатства. Иначе говоря, при снижении общего уровня цен потребители начинают вести себя так, как если бы у них в карманах оказалось больше денег.

3. Эффект импортных закупок (эффект обменного курса). Пусть курс национальной валюты снижается. Тогда факторы производства внутри страны относительно дешевеют (т.е. относительно снижается общий уровень цен), а это значит, что стимулируется товарный экспорт и затрудняется импорт, поэтому растет одна из важных составных частей AD, а именно — чистый экспорт.

Указанные эффекты отражаются на динамике всех составных частей совокупного спроса, за исключением объема госрасходов. Этот агрегат достаточно автономен по своему происхождению и потому малоэластичен по отношению как к общему уровню цен, так и к процентной ставке.

Существует еще одно объяснение того, что совокупный спрос снижается с ростом общего уровня цен. Формула Ирвинга Фишера, выражающая основной закон денежного обращения, выглядит так: PY = MV, где M — объем денежной массы, V — средняя скорость ее обращения. Таким образом, при условии неизменности монетарных параметров макроэкономической системы, совокупный спрос обратно зависит от общего уровня цен.

Величина совокупного предложения соответствует логике расчета *созданного* ВВП: объем совокупного предложения складывается из объемов валового выпуска всех секторов и отраслей рассматриваемой макроэкономической системы.

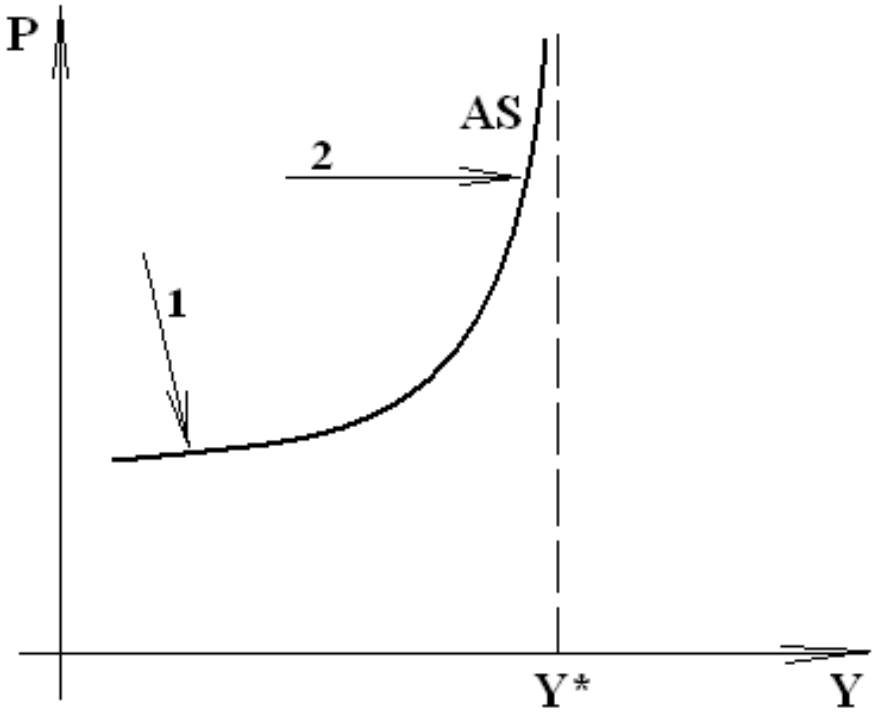

Рис. 1.2. Кривая совокупного предложения

Кривая совокупного предложения монотонно возрастает. Объем совокупного предложения растет с ростом общего уровня цен и ограничен величиной потенциального ВВП (Y* на рисунке 1.2), выражающего максимальные производительные возможности общества при имеющемся объеме хозяйственных ресурсов.

В некоторых учебниках экономикс отмечается, что величина потенциального ВВП соответствует уровню текущего объема ВВП, который имел бы место в состоянии так называемой полной занятости. В других руководствах написано, что уровень потенциального ВВП определяется состоянием полной загрузки (полного вовлечения в производство) всех имеющихся ресурсов. Оба эти утверждения, разумеется, неверны. При попытке полного вовлечения всех имеющихся в макроэкономической системе ресурсов какой-то из них исчерпается раньше других, и вовсе не обязательно это будет живой труд.

Величина потенциального ВВП определяется последней единицей предельного (*наиболее дефицитного*) *ресурса*. В большинстве развитых стран в роли предельного ресурса действительно выступает живой труд, что отчасти объясняет указанную выше ошибку в трактовке категории потенциального ВВП. Экономисты-теоретики, в своем большинстве будучи уроженцами развитых стран, с трудом смогли поверить в то, что на свете существуют макросистемы, в которых живой труд не является наиболее дефицитным ресурсом. Однако во многих развивающихся странах, которые представляют собой трудоизбыточные макросистемы, ситуация будет принципиально иной. Например, в современном Китае предельным ресурсом, определяющим величину потенциального ВВП, выступает электроэнергия. В большинстве развивающихся стран уровень безработицы намного выше, чем в развитых странах, однако в дефиците другие ресурсы, нехватка которых существенно ограничивает рост текущего реального ВВП.

Разумеется, объем ресурсов, которые могут быть вовлечены в хозяйственный оборот (а, следовательно, и потенциальный ВВП), в долгосрочной перспективе изменяется. Если в обществе имеет место разрушение производительных сил (например, во время экономических кризисов), потенциальный ВВП уменьшается (вертикальная асимптота кривой AS сдвигается влево). Если в обществе происходит технологическая модернизация, потенциальный ВВП увеличивается. Тем самым преодолевается ограниченность хозяйственных ресурсов. Со временем ресурсы могут быть созданы в пределах данной макроэкономической системы или импортированы в нее. Кроме того, технологические сдвиги позволяют вовлекать в производственные процессы такие блага, которые прежде не считались хозяйственными ресурсами.

В краткосрочном периоде потенциальный ВВП, как правило, можно считать неизменным.

Отдельный момент, заслуживающий внимания, заключается в том, что для большинства развитых стран, резиденты которых осуществляют активную экспансию на внешних товарных рынках, непосредственно доступны не только ресурсы, находящиеся внутри страны, но и — частично — за ее пределами. В то же время, для большинства развивающихся стран даже временно свободные ресурсы, находящиеся внутри страны, не всегда доступны для вовлечения в хозяйственный оборот в краткосрочном периоде. Например, если российские фирмы подписали контракты на поставку сырой нефти за рубеж в определенном объеме, то эта нефть, хотя и находится физически пока еще на территории России, составляет ресурсную базу развития не России, а стран, импортирующих эту нефть (разумеется, эта логика верна в предположении, что заключенные контракты будут исполнены). Тем самым, потенциальный ВВП развитых стран (они выступают крупнейшими нетто-импортерами в мировом хозяйстве), как правило, недооценивается по сравнению со своим истинным значением, тогда как потенциальный ВВП многих развивающихся стран (нетто-экспортеров) часто предстает в сильно преувеличенном виде, если судить о нем на основании ресурсных запасов, находящихся на территории этих стран.

Увеличение потенциального ВВП, расширение производительных возможностей общества является одной из важнейших задач правительства любой страны. Ее решение несравненно важнее, нежели простое стимулирование роста текущего объема ВВП. Однако эта задача является более трудной, поскольку рост потенциального ВВП достигается главным образом за счет радикальных технологических сдвигов, расширяющих ресурсный потенциал макросистемы. Организация и стимулирование подобных сдвигов остается важной задачей государства. Современное мировое хозяйство на протяжении последних ста лет своего развития не знает примеров успешного осуществления модернизационных рывков без масштабной государственной поддержки.

Кривая AS характеризуется наличием трех участков различного вида. Участок, соответствующий сравнительно небольшим значениям Y, близок к горизонтальному (он показан стрелкой 1 на рис. 1.2). Его называют «кейнсианским» участком кривой AS. Здесь текущий реальный объем ВВП относительно далек от потенциального, что свидетельствует о наличии большого количества незадействованных ресурсов, которые могут быть вовлечены в производство.

Участок кривой AS, на котором текущий ВВП близок к потенциальному, характеризуется исчерпанием имеющихся в обществе ресурсов и потому представляет собой монотонно возрастающую кривую, близкую к вертикальной асимптоте Y* (он показан стрелкой 2 на рис. 1.2). Его называют «классическим» (или «неоклассическим») участком кривой AS.

Между этими двумя участками находится промежуточный участок кривой, на котором кривая AS полого возрастает, существенно отличаясь как от горизонтальной, так и от вертикальной прямой.

Почему, вообще говоря, кривая совокупного предложения монотонно возрастает? Это вытекает из того простого факта, что перед началом повышения текущего уровня ВВП частные агенты (производители) усиливают борьбу за ресурсы, и в результате этого повышения спроса растет общий уровень цен. Следовательно, рост объемов производства сопровождается совокупным ростом цен, что и отражается монотонным возрастанием кривой AS.

Впоследствии, как утверждают представители кейнсианской школы, увеличение объемов производства приводит к тому, что воссоздаваемые ресурсы становятся менее редкими, и общий уровень цен начинает снижаться, что в значительной мере компенсирует его предшествующий рост. Поэтому кривая AS представляется сторонникам кейнсианства близкой к горизонтальному отрезку: ВВП может расти или падать, а уровень цен от этого существенно не изменится. Однако неоклассики замечают, что данный компенсационный эффект наблюдается только в краткосрочном периоде, а в долгосрочной перспективе объем валового выпуска мало чувствителен к величине общего уровня цен и намного более чувствителен к объему вовлекаемых ресурсов. Вследствие этого факта неоклассики считают, что кривая AS в долгосрочном периоде больше напоминает вертикальную линию.

Многие учебники экономикс указывают, что «кейнсианский» участок кривой AS характеризует краткосрочную зависимость между Y и P (так называемая кривая SRAS — short-run aggregate supply), а «классический» участок — долгосрочную зависимость между этими параметрами (кривая LRAS — long-run aggregate supply). Однако это категорически неверно. Эта позиция выражает *неоклассический* подход к трактовке разногласий между кейнсианцами и неоклассиками. На самом деле на любом из участков кривой AS, представленной на рисунке 1.2, можно наблюдать как краткосрочные, так и долгосрочные эффекты.

В частности, существует множество краткосрочных эффектов, развертывающихся на «вертикальном» участке кривой AS. Одним из них является так называемый инфляционный перегрев экономики, выражающийся в том, что при полной загрузке производственных ресурсов дальнейшее стимулирование совокупного спроса и смещение кривой

AD вверх и вправо приводят лишь к незначительному росту текущего объема ВВП и при этом вызывают значительный рост общего уровня цен (рис. 1.3).

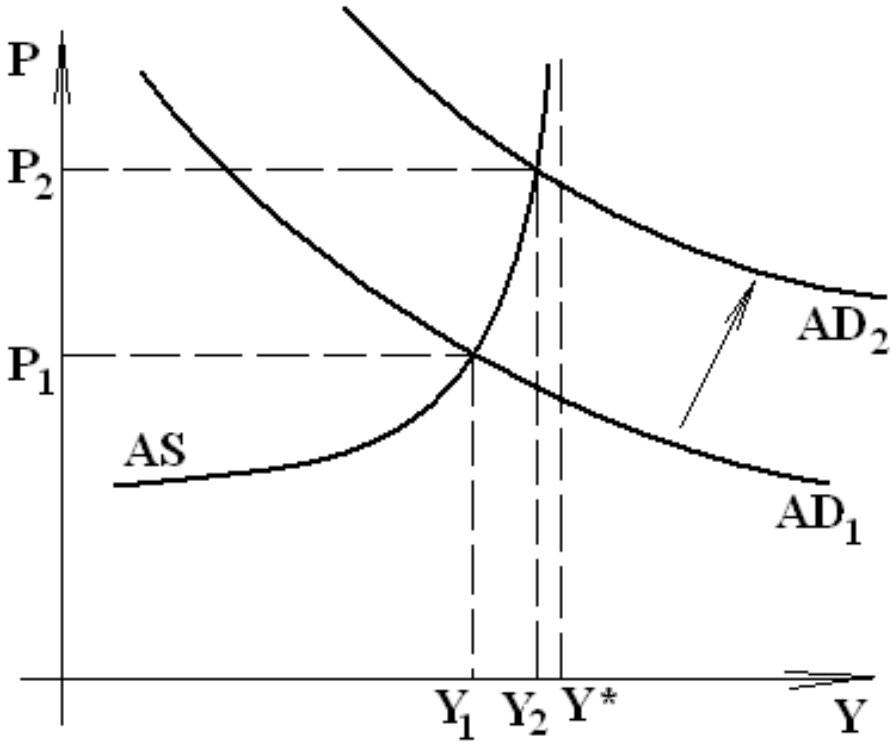

Рис. 1.3. Инфляционный перегрев экономики

Инфляционный перегрев экономики — это краткосрочный эффект, выражающийся в том, что прирост совокупного спроса сопровождается более быстрым ростом общего уровня цен, но не вызывает адекватного увеличения текущего объема реального ВВП в силу его приближения к уровню потенциального ВВП. Иначе говоря: *инфляционный перегрев экономики* — это вызванный стимулированием совокупного спроса быстрый рост общего уровня цен при незначительном или нулевом росте текущего реального ВВП по причине исчерпанности вовлекаемых в производство хозяйственных ресурсов в краткосрочном периоде.

Сопоставьте это определение с нестрогим и совершенно неверным (я бы сказал, непрофессиональным) *описанием* инфляционного перегрева, которое содержится в ряде экономических словарей: «чрезмерно высокие темпы экономического роста, приводящие к риску возникновения и развития инфляционных процессов из-за необоснованных государственных расходов» [41, 42]. На самом деле факт наличия инфляционного перегрева может не иметь никакого отношения ни к темпам экономического роста, ни (тем более) к объему государственных расходов. На развертывание инфляционного перегрева может оказать влияние быстрое приращение *любой* части совокупного спроса: например, накачивая экономику инвестициями в условиях исчерпания ресурсов, мы получим ровно тот же самый краткосрочный эффект.

Величайшая заслуга Джона Мейнарда Кейнса в изучении равновесия агрегированных параметров заключается, в частности, в том, что он доказал факт возможности макроэкономического равновесия при любой степени загрузки ресурсов. Представители классической школы докейнсианской эпохи считали, что равновесие возможно только в состоянии полной занятости. В учебниках макроэкономики, написанных неоклассиками, до сих пор равновесный объем выпуска макросистемы порой отождествляется с потенциальным, что, разумеется, абсолютно неверно. На самом же деле, кривая совокупного спроса способна пересечь кривую совокупного предложения на любом ее участке.

В связи с этим возникает резонный вопрос: как узнать, на каком участке кривой AS возникает макроэкономическое равновесие в данной конкретной макроэкономической системе? Существуют некоторые эвристические соображения, которые позволяют выяснить, на «кейнсианский» или на «классический» отрезок более похоже текущее состояние кривой AS вблизи равновесного значения ВВП. Важнейшими из этих эвристических обстоятельств являются следующие три.

1. Преобладающий в экономике тип отраслевого рынка. Сильно монополизированная экономика, в которой преобладают квазимонопольные рынки, чаще характеризуется «кейнсианским» видом кривой совокупного предложения, которое весьма эластично по цене. Экономика свободной конкуренции предполагает «классический» вид кривой совокупного предложения, чувствительного к объему вовлекаемых ресурсов.

Следовательно, падение совокупного спроса в «классической» экономике, состоящей из совершенно конкурентных рынков, заставляет производителей снижать цены (стрелка 1 на рисунке 1.4), тогда как фирмы-квазимонополисты отвечают на падение спроса не снижением цен, а сокращением объемов производства, поэтому в монополистической экономике шок совокупного спроса вызывает спад производства без снижения общего уровня цен (стрелка 2 на рисунке 1.4).

Коренная причина разногласий кейнсианской и классической доктрин заключается в том, что Кейнс и его последователи изучали иную экономическую реальность, иной тип экономики, нежели представители классической политической экономии. Экономические системы, исследуемые кейнсианцами, основываются на господстве квазимонопольных рынков, тогда как основные выводы классической школы (а также и неоклассического синтеза, в значительной степени унаследовавшего логику классической доктрины) относятся к экономике совершенной конкуренции.

2. Текущая фаза промышленного цикла, состояние экономической конъюнктуры. В депрессивной экономике, где много незадействованных ресурсов, кривая AS имеет «кейнсианский» вид, близкий к горизонтальному (т.е. макроэкономическое равновесие достигается на «кейнсианском» участке кривой AS). Наоборот, чем ближе экономика к предкризисному подъему (а фактический уровень ВВП — к потенциальному), тем более «классическим» становится вид кривой AS.

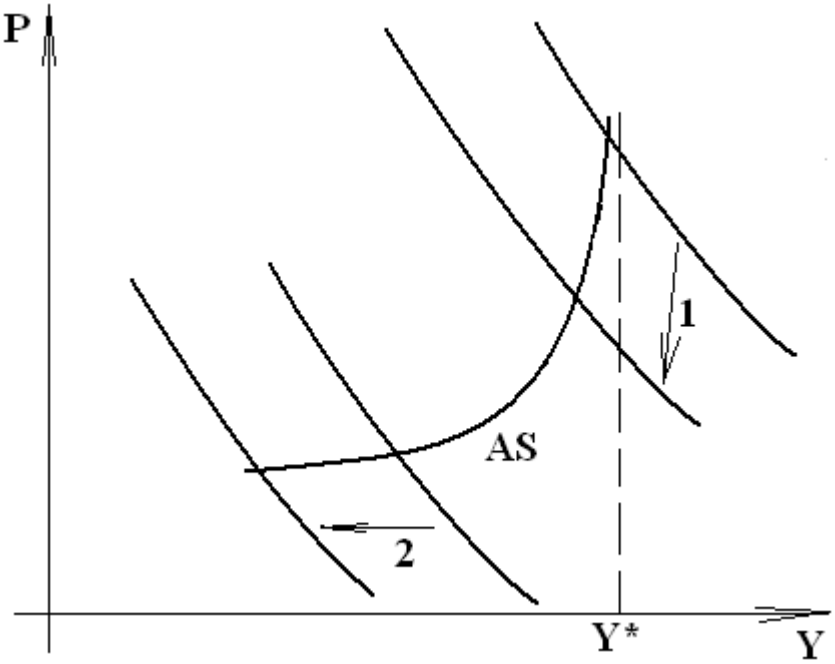

Рис. 1.4. «Кейнсианская» и «классическая» реакция экономики на шоки совокупного спроса

3. Уровень развития макроэкономической системы в целом. Чем более развита страна, тем полнее она использует имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, и, соответственно, тем ближе к «классическому» вид кривой ее совокупного предложения. В странах мировой «периферии» стандартное состояние экономики характеризуется «кейнсианской» кривой AS. В этом заключается одна из причин того факта, что мировая экономическая наука, развивающаяся преимущественно усилиями представителей развитых стран, с таким трудом приняла в свое время факт наличия «горизонтального» участка кривой AS. В этом же кроется и одна из основных причин того, что в большинстве развивающихся стран не работают программы макроэкономической стабилизации, основанные на «классических» рецептах либеральной экономики.

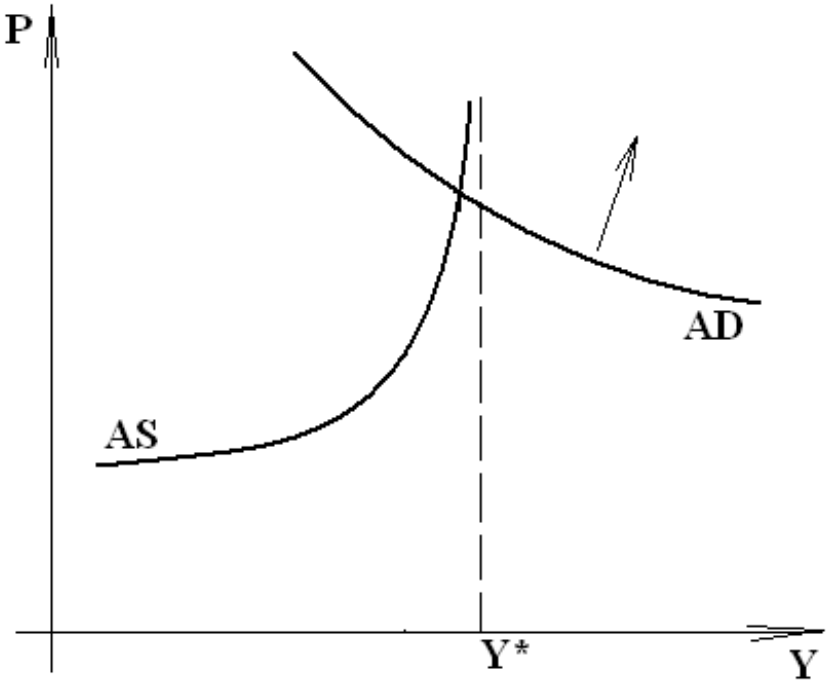

Рис. 1.5. Состояние полной занятости в модели AD—AS

Заметим, что состояние «полной» занятости, к достижению которого на словах так стремятся правительства большинства развитых стран, вовсе не является «голубой мечтой» для государственной власти. Состояние полной занятости, если бы удалось его достичь, означало бы, что весь живой труд, который есть в данной макроэкономической системе, вовлечен в производственные процессы, этот ресурс исчерпан и, следовательно, дальнейшее стимулирование совокупного спроса (стрелка на рис. 1.5) не принесет успеха, не приведет к росту производства, а вызовет лишь инфляционный перегрев экономики. Таким образом, в состоянии полной занятости (если предположить, что оно будет достигнуто) из рук правительства выпадает важнейший рычаг, который позволяет регулировать состояние макросистемы, а именно — совокупный спрос.

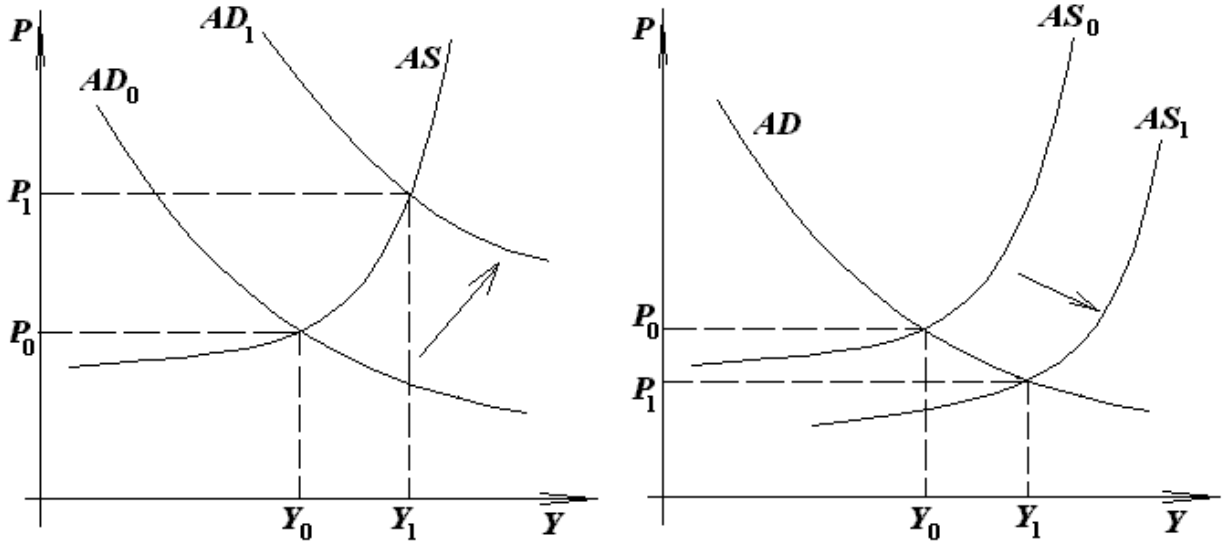
Кратко перечислим суть разногласий классической и кейнсианской доктрин по коренным аспектам модели AD—AS.

Позиция кейнсианской доктрины по перечисленным вопросам верно отражает специфику макроэкономической системы, основу функционирования которой составляют квазимонопольные рынки. Напротив, основные предпосылки, принимаемые неоклассической школой, в основном соответствуют совершенно конкурентной экономике и потому весьма далеки от реальностей современного мирового хозяйства. Следовательно, на выводах, предлагаемых этой школой, трудно основывать разумные решения в области макроэкономической политики.

	Позиция классической школы	Позиция кейнсианской школы
1	Потенциальный ВВП определяется состоянием полной занятости	Потенциальный ВВП определяется состоянием исчерпания предельного (наиболее дефицитного) ресурса
2	Макроэкономическое равновесие достижимо только на уровне потенциального ВВП	Макроэкономическое равновесие достижимо при любой степени загрузки хозяйственных ресурсов
3	Ключевую роль в достижении макроэкономического равновесия играет стимулирование совокупного предложения, которое создает адекватный по объему совокупный спрос	Ключевую роль в достижении равновесия играет стимулирование спроса, который обеспечивает надлежащий объем предложения
4	В краткосрочном периоде кривая AS напоминает горизонтальную прямую, в долгосрочном — вертикальную	В условиях неполного вовлечения ресурсов кривая AS напоминает горизонтальную прямую, в условиях их исчерпания — вертикальную
5	Состояние инфляционного перегрева связывается с чрезмерным уровнем госрасходов в условиях недостаточно жестких и недостаточно эффективных мер государственной политики	Состояние инфляционного перегрева связывается со стимулированием любой части совокупного спроса в отсутствии свободных, не вовлеченных в производство хозяйственных ресурсов

1.2. Стимулирование роста текущего ВВП

Государство способно стимулировать экономический рост двумя путями: поднимая совокупный спрос (рис. 1.6-а) или обеспечивая рост совокупного предложения (рис. 1.6-б). Первый из этих путей, в целом соответствующий кейнсианской логике государственного регулирования, влечет за собой установление макроэкономического равновесия на более высоком общем уровне цен ($P_1 > P_0$), а второй, соответствующий логике неоклассической доктрины, вызывает достижение равновесия при более низком общем уровне цен ($P_1 < P_0$).

а) $Y_1 > Y_0$, $P_1 > P_0$ б) $Y_1 > Y_0$, $P_1 < P_0$

Рис. 1.6. Стимулирование экономического подъема

Одним из примеров ситуации, изображенной на рис. 1.6-б, можно считать послевоенную реиндустриализацию экономики СССР, сопровождающуюся ростом потенциального ВВП и одновременным периодическим снижением общего уровня цен. Вероятно, это последний в истории человечества случай, когда преодоление спада производства сопровождалось снижением общего уровня цен. Однако справедливости ради следует отметить, что механизмы этой экономической динамики не укладываются в рамки классической доктрины, ибо в данный период осуществлялось снижение *плановых*, директивно установленных государством цен, и это происходило не в соответствии с действием встроенных стабилизаторов, а посредством административного давления правительства.

Каждый из рассмотренных способов стимулирования экономического подъема имеет определенные ограничения. В случае акцента на стимулирование совокупного спроса (рис. 1.6-а) это ограничения по ресурсам: для того, чтобы данная группа методов успешно работала, в обществе должен быть в наличии определенный объем не вовлеченных в производство ресурсов. В противном случае получим ситуацию, изображенную на рисунке 1.5, где движение в направлении, указанном стрелкой, приведет не к подъему экономики, а к неконтролируемому взлету цен.

В случае стимулирования подъема посредством сдвига кривой совокупного предложения (рис. 1.6-б) ограничения связаны с наличием потенциального ВВП — максимально возможного объема выпуска при наличии имеющихся в обществе ресурсов. Эти ограничения связаны со сложившейся технологической структурой производства и вытекают из наличия определенных воспроизводственных пропорций, в которых ресурсы разных типов втягиваются в производственные процессы. Преодоление этих пропорций всякий раз связано с радикальными технологическими сдвигами, поэтому для того, чтобы «классические» методы стимулирования подъема успешно работали, общество должно быть готово к осуществлению модернизационных сдвигов.

Иначе говоря, стимулирование совокупного предложения принесет успех лишь в случае, когда (во-первых) в обществе имеется некий накопленный объем научно-технической информации (технологических принципов, решений, в частности, овеществленных в патентах и лицензиях), которая может быть вовлечена в производство, лишь только созреют необходимые для этого благоприятные условия экономической конъюнктуры. Кроме того (и это во-вторых), в обществе должен существовать необходимый набор институтов, рутин, механизмов, которые обеспечат перелив этих технологических решений в производство. Если эти два условия выполнены, можно рассчитывать на то, что в результате внедрения в производство технологической информации удастся расширить производительные возможности общества и тем самым сдвинуть вправо уровень потенциального ВВП.

Всевозможные попытки стимулировать рост совокупного предложения на *неизменной* технологической основе время от времени случаются в истории всех развитых стран мира, но никогда не бывают успешными в силу отмеченных причин. Более того, медленное и непоследовательное проведение технологической модернизации способно на корню погубить планы радикального перевооружения производства, даже если изначально они были совсем неплохи и отвечали потребностям развития макросистемы.

Важность и актуальность этой проблемы блестяще подтверждены опытом развития многих стран мира, в том числе и России. Индустриализация страны, осуществленная в 30-е годы XX века, была успешной именно потому, что государственная власть сделала ставку на решительное и быстрое внедрение новых технологий. Аналогичные преобразования, которые наша страна пыталась реализовать в 60-е годы, были обречены на провал, поскольку стимулирование совокупного предложения сопровождалось вялой и половинчатой модернизацией, не обеспечивающей существенного роста потенциального объема ВВП. В результате вместо модернизированной производственной основы мы получили

технологически многоукладную экономику, в которой причудливо сочетаются и переплетаются элементы разных технологических укладов.

Таким образом, из анализа модели AD—AS неопровержимо вытекает, что чем более быстрой и радикальной является ломка технологической структуры производства, тем менее разрушительны последствия такой модернизации для макроэкономической системы. На первый взгляд, этот вывод кажется парадоксальным, однако он подтверждается опытом экономической динамики различных стран и регионов мирового хозяйства.

1.3. Сценарии макроэкономического неравновесия в модели AD—AS

Обсуждая проблемы макроэкономической динамики, исследователи нередко исходят из того, что рассматриваемые ими макросистемы пребывают в равновесном (или близком к равновесному) состоянии. Между тем, для подобных предположений в отношении большинства стран и регионов нет разумных оснований. Этот факт повышает эвристическую значимость моделей, рассматривающих сценарии неравновесной динамики современных макросистем. Склонность к использованию равновесных моделей среди современных экономистов столь велика, что даже модель AD—AS часто называют моделью *равновесия* агрегированных параметров, хотя это совершенно неверно. С гораздо большим основанием эту модель можно считать моделью их неравновесия, в чем мы в скором времени убедимся.

В обозримом будущем усилится воздействие факторов, предопределяющих неравновесный характер динамики макроэкономических систем, — в первую очередь, технологических сдвигов. Следовательно, возрастает теоретическая значимость парадигмы неравновесия и полученных с ее помощью аналитических и прогнозных результатов.

Один из типичных примеров макроэкономического неравновесия, переживаемого развивающейся экономикой, приведен на рис. 1.7 в координатах модели AD—AS. Пусть общий уровень цен P_0 в макроэкономической системе (стране или регионе) установился на уровне, превышающем равновесный, так что текущий совокупный спрос Y_{AD} отстает от текущего объема совокупного предложения Y_{AS}. Кейнсианцы (а вслед за ними и вся мировая экономическая наука) называют ситуацию такого рода *рецессионным разрывом*, поскольку факт превышения совокупным предложением совокупного спроса чаще всего означает, что экономика находится на пороге рецессии, первоначально описанной в экономической литературе как кризис перепроизводства.

Тем не менее, пока кризис еще не наступил, имеет место лишь факт перепроизводства, и в распоряжении правительства имеется ряд способов, применение которых в некоторых случаях позволяет избежать пагубных последствий и осуществить макроэкономическую стабилизацию.

Устойчивое неравновесие макроэкономической системы, пребывающей в состоянии рецессионного разрыва, предполагает несколько возможных сценариев восстановления равновесия, которые обозначены стрелками на рис. 1.7.

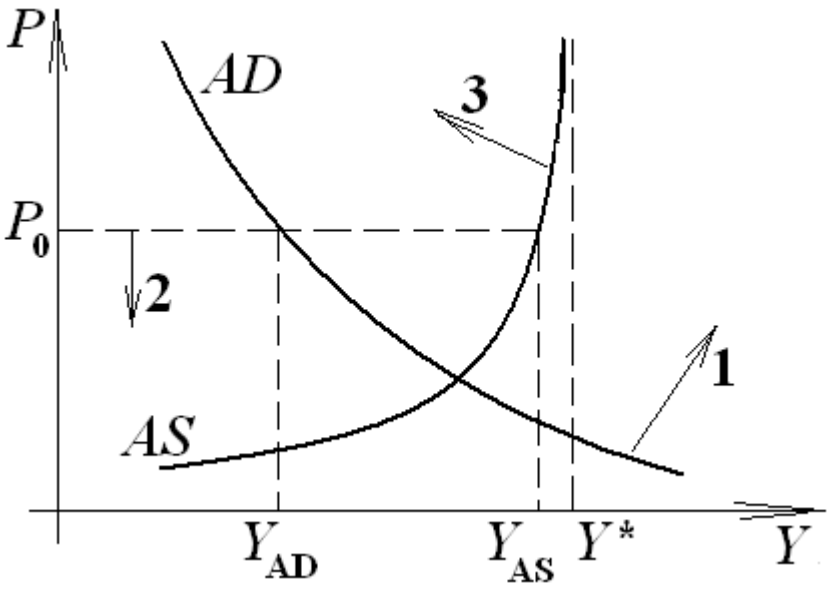

Рис. 1.7. Рецессионный разрыв: сценарии неравновесной динамики

Сценарий № 1, лежащий в русле кейнсианской традиции (стрелка 1 на рис. 1.7), заключается в том, чтобы стимулировать совокупный спрос, сдвигая кривую AD вверх и вправо до тех пор, пока она не пересечет кривую AS в точке с абсциссой Y_{AS}. Этот путь, несомненно, плодотворен в макроэкономических системах, выходящих из депрессии и переживающих фазу оживления экономической конъюнктуры, когда текущий уровень ВВП еще далек от потенциального, обозначенного через *Y** на рис. 1.7. Однако в экономике, находящейся в состоянии длительного подъема и приблизившейся к исчерпанию ресурсов, которые могут быть вовлечены в производство, стимулирование совокупного спроса чревато инфляционным перегревом, при котором незначительный прирост ВВП оборачивается быстрым взлетом общего уровня цен.

Если в макроэкономической системе еще имеются свободные ресурсы, правительство может, применяя кейнсианские методы стимулирования совокупного спроса, обеспечить относительно безболезненный выход страны из состояния рецессионного разрыва. Этот сценарий № 1 (если он реально осуществим) является наилучшим с точки зрения перспектив макроэкономической динамики.

Сценарий № 2 заключается в том, чтобы подавить общий уровень цен (стрелка 2 на рис. 1.7), «заставив» совокупный спрос и совокупное предложение сблизиться к некоторому промежуточному значению, которое соответствует равновесному ВВП, отмеченному точкой пересечения кривых AD и AS.

Этот путь стабилизации, как показал, в частности, Дж.М.Кейнс, может быть эффективен лишь в собственно рыночной экономике, основу которой составляют совершенно конкурентные отраслевые рынки, но он оказывается недоступен в макроэкономической системе с большим количеством квазимонопольных отраслевых рынков. Причина этого заключается в том, что фирмы-квазимонополисты отвечают на отставание спроса от предложения не снижением цен, а сокращением объемов производства. Именно поэтому в современном мировом хозяйстве в течение более чем полувека никакие попытки снижения общего уровня цен не принесли устойчивых положительных результатов. Тем самым, важнейшая модификация промышленного цикла в современной монополистической экономике заключается в том, что «классические» рецепты, основанные на действии встроенных стабилизаторов, снижающих общий уровень цен, больше не могут стабилизировать макроэкономическую систему.

Данный сценарий развития событий, в случае его успешного претворения в жизнь, влечет за собой достижение макроэкономического равновесия, сопровождаемое краткосрочным снижением Y_{AS}, т.е. падением текущего объема ВВП, — это цена, которую мак-

росистеме придется заплатить за реализацию данного сценария, если он будет избран и реализован правительством. Однако именно поэтому в современной так называемой рыночной экономике, основанной на всевластии фирм-квазимонополистов, подобный ход событий маловероятен: для его реализации правительству пришлось бы серьезно «наступить» на экономические интересы тех самых квазимонополистов, на экономическую мощь которых оно, как правило, опирается.

Наконец, *сценарий № 3*: если ни один из двух указанных путей не будет использован правительством, то макроэкономическая система будет стихийно стремиться к состоянию равновесия, и оно будет достигаться благодаря тому, что кривая совокупного предложения отодвинется вверх и влево (стрелка 3 на рис. 1.7), т.е. наступит рецессия, кризис перепроизводства.

Такое стихийное выравнивание диспропорций опасно тем, что спад производства выступает мощнейшим фактором инфляции (при неизменности объема денежной массы сжимается ее товарное покрытие), а это значит, что кривая AS, сдвигаясь вверх и влево, минует точку равновесия с абсциссой Y_{AD} и ординатой P_0 и движется дальше, что вызывает стагфляцию — рост общего уровня цен при продолжающейся рецессии. Таким образом, логика стихийного достижения равновесия (даже если этот сценарий развития событий правительство признает допустимым и не представляющим опасности) отнюдь не освобождает государственную власть от принятия адекватных мер по достижению макроэкономической стабилизации, и слабая надежда на действие «невидимой руки» оказывается пагубной иллюзией.

Другой пример макроэкономического неравновесия, принципиально отличный от первого, — так называемый *инфляционный разрыв* (рис. 1.8). Пусть общий уровень цен зафиксировался на уровне P_0, при котором текущий объем совокупного спроса Y_{AD} опережает текущий уровень совокупного предложения Y_{AS}. В этой ситуации также возможны различные сценарии развития событий, в зависимости от действий правительства и специфики обсуждаемой макросистемы.

Сценарий № 1 заключается в стимулировании совокупного предложения (стрелка 1 на рис. 1.8). Это, разумеется, наилучший способ справиться с возникшей проблемой неравновесной динамики. Ограничения реализации этого сценария связаны с наличием потенциального ВВП Y^* — максимально возможного объема валового выпуска при наличии имеющихся в обществе ресурсов. Ограничение такого рода связано со сложившейся технологической структурой производства и вытекает из наличия определенных воспроизводственных пропорций, в которых ресурсы разных типов втягиваются в производственные процессы. Преодоление этих пропорций всякий раз связано с радикальными технологическими сдвигами, поэтому для того, чтобы сценарий № 1 успешно реализовался, общество должно быть готово к осуществлению этих сдвигов.

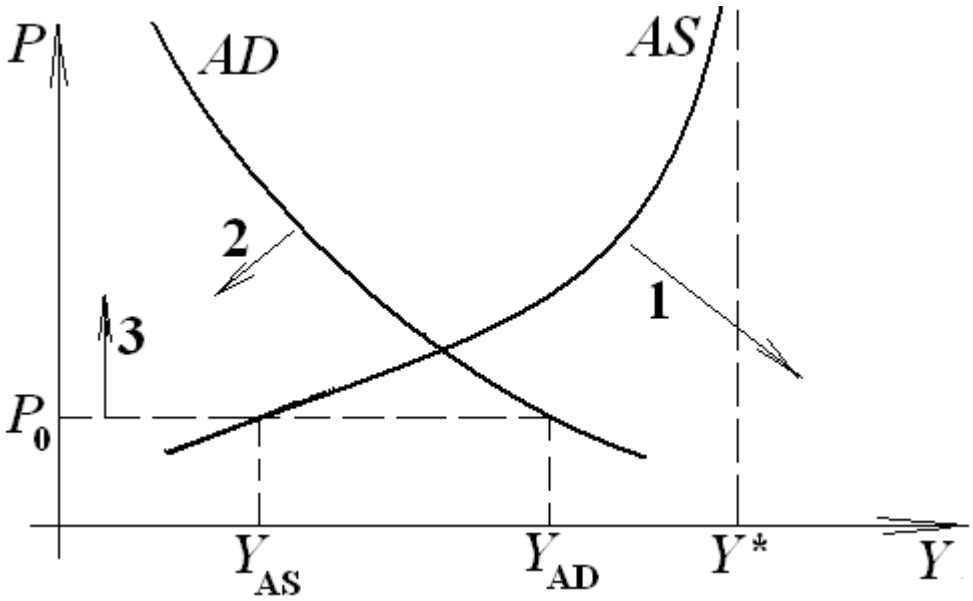

Рис. 1.8. Инфляционный разрыв: сценарии неравновесной динамики

Таким образом, сценарий № 1 доступен лишь тем макросистемам, которые готовы обеспечить модернизационные сдвиги в экономике, дабы увеличить потенциальный ВВП *Y**: иным способом сдвинуть вправо кривую AS невозможно. Поэтому стимулирование совокупного предложения, вообще говоря, приносит успех только в том случае, когда усилия правительства не ограничиваются дублированием элементов уже существующих технологических укладов, а сознательно направляются на осуществление технологических сдвигов.

Сценарий № 2, преодолевающий макроэкономическое неравновесие, заключается в подавлении совокупного спроса (стрелка 2 на рис. 1.8). Этот путь, достигаемый, как правило, при помощи жесткой монетарной политики, часто рекомендуется сторонниками классической доктрины и их верными наследниками — монетаристами. Однако данный путь хорош лишь для тех макросистем, которые в значительной степени подвержены воздействию «сильной руки» правительства. В частности, подавление совокупного спроса активно (и весьма уместно) периодически практикуется в Китае в течение всего периода радикальных рыночных реформ. В периоды, когда производители усиливают борьбу за ресурсы, которые становятся дефицитными, государственная власть прибегает к мерам «пресечения, следующего за хаосом»: она административным путем ограничивает частные предприятия в потреблении ресурсов и обеспечивает первоочередное удовлетворение потребностей государственного сектора экономики. Тем самым правительство (ценой разрушения некоторой части частных предприятий) не допускает состояния инфляционного перегрева и обеспечивает приоритет общественных интересов над частными.

Заметим, что подавление совокупного спроса возможно различными путями. В отличие от китайского правительства, подавляющего в основном *инвестиционный* спрос, отрицательные примеры попыток подобного рода в подавляющем большинстве связаны с предпринимаемым правительством ограничением конечного личного потребления. Например, правительство социалистов во Франции, пришедшее к власти после окончания Второй мировой войны, выдвинуло лозунг обеспечения экономического роста без инфляции. Под этим лозунгом началась борьба с доходами, что было, во-первых, абсолютно неэффективно, поскольку личные доходы сами по себе от этого никуда не исчезают, а присваиваются прежде всего через различные формы ренты, и, во-вторых, разрушительно для макроэкономической системы. В результате проведения в жизнь жесткой монетарной политики деньги оказались в серьезном дефиците, взлетела коммерческая процентная ставка, что вызвало мощные всплески инфляции, которые, впрочем, удалось быстро погасить

правительству, пришедшему на смену социалистам и обеспечившему быстрый рост денежной массы в экономике.

Заметим, что в состоянии инфляционного разрыва нельзя «подогревать» совокупный спрос, сдвигая кривую AD вправо и вверх. Это опасно для макроэкономического равновесия, поскольку в этом случае общий уровень цен начинает стихийно подниматься, пытаясь «дотянуться» до точки равновесия, что влечет за собой нарастание инфляционных процессов (а именно — так называемой инфляции спроса). Безопасный способ стимулирования совокупного спроса в ситуации инфляционного разрыва может быть связан только с применением методов, которые, оставляя на месте кривую AD, сдвигают вдоль нее вправо кривую AS, т.е. изменяют зависимость между уровнем цен и совокупным предложением, что, собственно, и характеризует сценарий № 1.

Наконец, *сценарий № 3* (стрелка 3 на рис. 1.8) реализуется в случае, если государственная власть бездействует или выпускает развитие событий из-под контроля. В этой ситуации стихийное стремление макросистемы обрести состояние равновесия провоцирует инфляционный рост цен, в результате которого сужается совокупный спрос и стимулируется совокупное предложение, что позволяет макросистеме обрести состояние равновесия в точке пересечения кривых AD и AS.

Рассмотренные ситуации, конечно, не исчерпывают всех возможностей неравновесной динамики. В реальной жизни кривые совокупного спроса, совокупного предложения и линия общего уровня цен движутся не попеременно, а одновременно, что заметно усложняет анализ динамики макроэкономических систем. Ключ к этому анализу дает изучение *факторов* движения соответствующих кривых, а также задач, стоящих перед правительством страны или, соответственно, администрацией региона.

Наконец, следует заметить, что ряд макросистем испытывает неравновесие *структурного* характера, которое никак не отражается на графике в стандартном виде модели AD — AS: совокупный спрос и совокупное предложение приблизительно равны по объему, но заметно различаются по структуре. Хорошим примером такого рода является современная экономика Республики Беларусь, где создаваемый внутри страны продукт часто не находит спроса не в силу его низкого качества или малой емкости внутреннего рынка, а в силу того, что его структура весьма плохо соответствует структуре внутреннего спроса. Сближение агрегированных параметров не только по величине, но и по структуре является, таким образом, одной из важных задач правительства. Для этого необходимо правильно позиционировать свое участие в мировом разделении труда и хорошо представлять себе, какие части совокупного спроса подлежат удовлетворению за счет импорта.

1.4. Феномен плановой экономики: тайна «социализма» раскрыта

Заметим, что состояние инфляционного разрыва, как правило, характерно для стран с так называемой плановой экономикой, в которой правительство, удерживая общий уровень цен на низком уровне, таким способом добивается удовлетворения потребностей своих граждан. При этом объем совокупного спроса обгоняет объем совокупного предложения, т.е., вообще говоря, имеет место так называемая *экономика дефицита*, о которой много раз писали исследователи плановой экономики. Совокупный спрос становится важной движущей силой, обеспечивающей экономический рост макросистемы, что выражается так называемым законом возвышения потребностей. Однако в этих условиях разогрев совокупного спроса является пагубным с точки зрения устойчивости макросистемы, так как он еще сильнее углубляет отрыв AD от плетущегося в хвосте AS.

О том, что плановая экономика является экономикой дефицита, писали не только критики плановой системы хозяйства, но и ее адепты. В частности, одним из первых эту мысль высказал Н.И.Бухарин в 1920 году в работе «Экономика переходного периода» [3]. Данный тезис он аргументировал тем, что пролетарское государство, выражая волю широких слоев трудящихся масс, убирает стоимостные барьеры на пути потребления благ,

следовательно, спрос на них должен намного превысить их предложение, и во избежание хаоса на потребительском рынке правительство вынуждено осуществлять централизованное распределение благ, изобретая и вводя в действие барьеры нестоимостного характера (например, «карточную» систему распределения, ограничивающую объем потребляемых индивидом благ).

Такая точка зрения впоследствии подверглась довольно жесткой критике, основанной на том, что это понимание действительности исходит из военно-коммунистических представлений о плановой экономике (о социализме), тогда как на самом деле о ней нельзя судить на основании реальностей относительно короткого периода военного коммунизма, подобно тому как по физиологическим реакциям младенца нельзя судить о потребностях взрослого человека. В условиях зрелого социализма нестоимостные барьеры должны играть лишь вспомогательную роль, а значит, государство в состоянии отрегулировать распределение благ при помощи разумной ценовой политики.

Однако неустранимым ограничением этой ценовой политики все-таки остается необходимость удержания социально низкого уровня цен, а это значит, что к введению нестоимостных барьеров приходится систематически прибегать. Наиболее популярными барьерами такого рода являются очереди, возникающие в связи с получением жилья и с приобретением большей части потребительских товаров длительного пользования (например, автомобилей, а в некоторые периоды – телевизоров, холодильников, стиральных машин и даже некоторых видов книг).

Подавляя общий уровень цен, правительство в условиях плановой экономики тем самым вынуждено принимать меры и по сдерживанию зарплаты. В частности, отсюда вытекают многочисленные проблемы сферы образования: в плановой экономике его получение обеспечивалось за счет средств государства. Но именно поэтому правительство было вынуждено возмещать стоимость обучения, устанавливая монопольно низкую зарплату работникам, получившим высшее образование: на их обучение уходит намного больше средств, чем на обучение низкоквалифицированных сотрудников. Получается, что в плановой экономике низкоквалифицированный работник получает более высокую зарплату, чем высококвалифицированный, затративший долгие годы на обучение.

Внешний эффект подобных действий правительства выражается в том, что «недооцененные» в условиях плановой экономики высококвалифицированные работники ищут альтернативные способы приложения своих усилий, в частности, с надеждой взирают на страны с рыночной экономикой, предоставляющие им возможность получения достойного вознаграждения за свой высококвалифицированный труд. В этом заключается одна из причин наличия так называемого железного занавеса и прочих явлений, характеризующих относительную изоляцию ресурсных рынков в плановой экономике от остальной части мирового хозяйства.

Экономика, испытывающая инфляционный разрыв, не может быть открытой также и в отношении денежного обращения. Если допустить, чтобы ее валюта имела свободное хождение и могла накапливаться на руках у нерезидентов, то они станут входить с этой валютой на внутренний рынок этой страны и подвергать ее систематическому ограблению за счет разницы в общем уровне цен.

Экспорт благ из такой макросистемы также должен осуществляться централизованно, иначе различия в общем уровне цен приведут к немедленному разорению этой страны за счет усилий резидентов, стремящихся распродать все, что можно, по дешевке, дабы быстро получить прибыль, пусть даже небольшую. Собственно, это и произошло с экономикой постсоциалистических стран, когда в них была осуществлена либерализация внешнеэкономической деятельности.

Вообще говоря, в выводе об изоляции рынков товарных благ тоже нет ничего нового. Обязательное наличие монополии внешней торговли для так называемой плановой экономики было обосновано В.И.Лениным в маленькой статье, которая так и называлась: «О монополии внешней торговли» [8]. Если отбросить идеологическую словесную шелу-

ху, в которую была облечена эта идея, и оставить собственно экономическую сущность предложенных Лениным мер, то мы обнаружим, что ничего социалистического по своей сути эти меры не содержат: это стандартная логика действий государства, находящегося в условиях недопроизводства и дефицита внутренних источников накопления.

Кратко воспроизводя логику Ленина, получим приблизительно такой ход рассуждений. Отказавшись от монополии государственной собственности на производственные активы, государственная власть отдала источник накопления капитала в частные руки. Но использовать этот источник частные агенты смогут лишь в той степени, в которой их усилия будут направлены на насыщение емкости внутреннего рынка. Для этого пролетарское государство, выражая волю широких слоев трудящихся, устанавливает монополию внешней торговли. Тем самым проблема «недопроизводства», неминуемо возникающая в условиях низкого общего уровня цен, в конечном счете будет решена.

Таким образом, макросистема, пребывающая в состоянии инфляционного разрыва, поневоле является замкнутой, «закрытой» экономикой, в которой имеет место государственная монополия внешней торговли и валютно-денежных операций. Автаркический, изолированный характер экономики такого типа логически вытекает из специфики внутреннего ее устройства.

Если в макросистеме такого типа началась либерализация внешней торговли, то единственный рецепт, который еще может спасти ее от полного разорения, - это повышение общего уровня цен «до мирового уровня», т.е. превращение этой страны в обычную «рыночную» экономику, в которой правят бал фирмы-квазимонополисты и которая испытывает рецессионный разрыв.

«Надавливая» на общий уровень цен, правительство в условиях плановой экономики закладывает в соответствующую макросистему мину замедленного действия. Плановая экономика в конечном счете терпит крах вследствие того, что растущий совокупный спрос слишком далеко отрывается от совокупного предложения. Попытки «подхлестнуть» совокупное предложение в отсутствии экономических стимулов (низкий общий уровень цен дестимулирует развертывание производства) принимают внеэкономические формы: это всевозможные «трудовые почины», «ударные» недели, передовые производственные коллективы, различные формы так называемого социалистического соревнования, извечная борьба за перевыполнение планов и т.д. В экономике рецессионного разрыва перевыполнение плана опасно: оно грозит разорением частных агентов, поскольку совокупное предложение и без того обгоняет совокупный спрос, а в условиях инфляционного разрыва «борьба» за перевыполнение принятых ранее производственных показателей является нормой жизни.

Однако и здесь содержатся внутренние ограничения. Развитие производства требует наращивания инвестиций, но это означает необходимость дальнейшего разогрева совокупного спроса, что является губительным для макросистемы, пребывающей в инфляционном разрыве. Такова основная диспропорция, с которой в определенный момент не под силу справиться правительству. Затем, уже в условиях переходной («постсоциалистической») экономики, когда начинается переход на рельсы рыночной системы хозяйствования, в момент так называемой либерализации ценообразования общий уровень цен неизменно взлетает вверх. Так заканчивается эпоха инфляционного разрыва в динамике соответствующих макросистем.

В большинстве стран с развитой рыночной экономикой, напротив, чаще всего имеет место состояние рецессионного разрыва, при котором совокупное предложение обгоняет совокупный спрос. Это стандартная экономика избытка (спекулируя на этом факте, адепты этой экономической системы называют ее обществом изобилия или обществом массового потребления), в которой почти единственным дефицитным ресурсом являются деньги, а объем платежеспособного спроса выступает основным ограничителем конечного потребления. Таким образом, изобилие в экономических системах такого типа имеет место лишь для тех агентов, которые не испытывают проблем с платежеспособностью, что,

собственно, является банальной тавтологией, поскольку рыночная экономика — это экономика для богатых, в которой принцип классового неравенства возведен в разряд краеугольных камней.

Заметим, что макроэкономические системы обоих типов испытывают очевидные проблемы, связанные с диспропорциями агрегированных параметров, с хроническим разрывом между совокупным спросом и совокупным предложением. Для систем, пребывающих в состоянии инфляционного разрыва, данную проблему характеризуют как системный кризис, развитие которого должно привести к коренному перерождению этих систем. Системы, испытывающие рецессионный разрыв, время от времени обновляются, сглаживая возникающие диспропорции во время периодически повторяющихся экономических кризисов.

Макросистемы двух рассмотренных типов характеризуются различной институциональной средой. Институты, действующие в одной из них, не могут быть импортированы в другую без надлежащей адаптации, потому что в импортирующей системе тот же самый институт станет выполнять другие функции. В этом заключается основная причина того, что импорт институтов из рыночной экономики в страны с переходной экономикой никогда не заканчивался успехом. Не случайно Янош Корнаи назвал институциональную систему переходной экономики «пластиковой моделью Уолл-стрита»: она выглядит точно так же, как ее оригинал, только не работает. Наиболее надежный путь институционального развития макросистем заключается в выращивании институтов на собственной основе, когда формирование института начинается с определения функций, которые он призван выполнять.

Заметим, что ни один из рассмотренных типов неравновесных макросистем не свободен от проблем, связанных с провалами рынка и ограниченностью возможностей государственного регулирования экономики. Рьяные приверженцы каждого из этих типов неравновесия нередко обвиняют экономику противоположного типа в экономической неэффективности, ресурсной расточительности, антидемократичности, лживости и цинизме. Спор между адептами двух типов макроэкономических систем на самом деле лишен каких бы то ни было моральных оснований, по сути это дискуссия о разных типах управления неравновесной динамикой макросистем. Этот спор по ряду признаков весьма напоминает ожесточенные дебаты между героями Джонатана Свифта о том, с какой стороны нужно разбивать яичную скорлупу, чтобы очистить от нее яйцо.

Разумеется, каждая из упомянутых систем расточительна по-своему. Экономика рецессионного разрыва расточительна со стороны совокупного спроса. Типичный пример расточительности такого рода заключается в том, что миллионер строит на свадьбу своей дочери дворец из чистого хрусталя, а на следующее утро после свадьбы его разбивают в пыль. Подобная расточительность по отношению к совокупным затратам труда обусловлена именно фактом рецессионного разрыва: коль скоро предъявлен спрос на данное благо, оно создается, а что будет после — это частное дело частных агентов, обладающих правомочиями на это благо. Экономика инфляционного разрыва расточительна со стороны совокупного предложения. Многочисленные примеры «незавершенки», «долгостроя», когда частично осуществленные инвестиции уходят в песок, не принося результата, так называемая бесхозяйственность, нерадивое отношение к служебным обязанностям, особенно широко проявляемое по отношению к государственной собственности, — такова логика расточительности плановой экономики.

Инвестиционные процессы в экономике рецессионного разрыва разогревают совокупный спрос и тем самым приближают кризис перепроизводства: как и положено инвестициям, они стимулируют создание благ. В экономике инфляционного разрыва разогрев совокупного спроса еще сильнее углубляет пропасть между растущим AD и вяло догоняющим его AS, поэтому инвестиционная деятельность должна быть поставлена под жесткий контроль государства. Время от времени в экономике инфляционного разрыва возникают ситуации, когда благом для макросистемы является не наращивание объема инве-

стиций, а их частичное изъятие, дезинвестирование. Адепты рыночной системы хозяйства, настаивающие на тезисе о «неэффективности» плановой экономики, по существу, имеют в виду именно это.

В экономике инфляционного разрыва любая расточительность, бесхозяйственность, «частично осуществленные» инвестиции, не создающие адекватного по величине товарного покрытия, оборачиваются инфляцией издержек. Тем самым заметно усложняется задача правительства, пытающегося удержать макросистему в состоянии низкого общего уровня цен: инфляция вползает в эту макросистему «с черного хода», принимая косвенные, подавленные формы, не связанные непосредственно с изменением цен на локальных рынках. В связи с этим формы подавленной инфляции в условиях плановой экономики становятся самостоятельным объектом изучения [18, 19], тогда как в рыночной экономике, где цены более гибко реагируют на расхождения между спросом и предложением, подавленная инфляция не играет ведущей роли, что создает иллюзию ненужности ее изучения и измерения.

Осмысливать дихотомию этих двух типов макросистем в категориях «капитализм — социализм» не представляется разумным. Макросистемы, в которых государство пыталось стать единственным покупателем рабочей силы, не избавились от факта купли-продажи рабочей силы, не устранили наемный труд. Однако благодаря монопсонии на рынке труда правительство какое-то время удерживало цену живого труда на монопольно низком уровне, а к этой цене привязывало всю систему цен и социальных гарантий. Это заметно облегчало решение социальных проблем в плановой экономике, в частности, за счет предоставляемых населению в нетоварной форме благ (так называемые общественные фонды потребления — бесплатное образование, здравоохранение, предоставление жилья, почти бесплатное курортно-санаторное обслуживание и т.п.).

Переход от экономики инфляционного разрыва к экономике рецессионного разрыва, символизируемый либерализацией ценообразования и многочисленными сопутствующими ей преобразованиями, часто называют радикальной реформой, сменой экономической системы. Между тем, с точки зрения социально-классового анализа этот переход означает устранение от власти одной группы монополистической буржуазии и смену ее у руля управления страной другой группой монополистической буржуазии. У этих групп различное понимание истории развития соответствующих макросистем и траектории их дальнейшей динамики, различные представления о целях и механизмах государственного управления, различное ви́дение собственных социально-политических амбиций, касающихся взаимодействия с мировой элитой. В соответствии с этими различиями существенные изменения претерпевает социально-политическая риторика, система выдвигаемых лозунгов и концепций. Однако, несмотря на радикальный характер преобразований, сущность общественного строя остается неизменной. Как говорил Козьма Прутков, общество наше оклеветано: оно изменилось только по наружности. Впрочем, это обстоятельство не отменяет необходимости изучения как теоретических аспектов развития соответствующих неравновесных экономических систем, так и особенных проявлений этого неравновесия, реализующегося в макродинамике отдельных стран и регионов.

Одна из существенных трудностей экономического анализа и прогнозирования развития современных макросистем заключается в их неоднородности. В частности, в экономике современной России (как и многих других стран мира) часть регионов пребывает в состоянии инфляционного разрыва, а другая часть — в состоянии рецессионного разрыва. Соответственно, те факторы, которые для одних регионов выступают источниками роста, для других являются барьерами, ограничивающими их развитие, и наоборот. Серьезная неравномерность сохраняется и внутри отдельных субъектов Федерации. Трудность разработки и реализации единой макроэкономической политики, направленной на обеспечение необходимой структурной перестройки и технологической модернизации, во многом связана именно с этим обстоятельством.

Проблема в том, что для региона не подходит стратегия изоляции ресурсных рынков, характерная для целых стран, пребывающих в инфляционном разрыве. Регион не может обособить систему социальных гарантий, избежать перелива капитала и миграции рабочей силы. Поэтому регионы, находящиеся в состоянии инфляционного разрыва, так или иначе подвергаются ограблению со стороны более сильных и успешных регионов той же страны. В конечном счете они становятся депрессивными регионами, и если эта тенденция не будет остановлена, они превратятся в инвестиционную пустыню, в зону, свободную от производства. Для России эта опасность, к сожалению, вполне реальна.

Макросистемы, пребывающие в рецессионном и в инфляционном разрыве, - это системы разного типа, и они должны управляться по-разному. Пока что решения, принимаемые в нашей стране на федеральном уровне, отражают в основном интересы и потребности развития наиболее сильных и богатых регионов страны. Стоит ли удивляться тому, что дифференциация уровня развития регионов неуклонно углубляется в течение последних 25 лет: более богатые регионы продолжают обогащаться, более бедные беднеют и постепенно теряют инвестиции и внутренние источники накопления.

Попытки принять решения, от которых экономика России по всей ее территории расцвела бы пышным цветом, напоминают поиски волшебной пилюли, которая исцелила бы сразу всех пациентов многопрофильной больницы. Если у людей разные диагнозы – значит, и лечить их нужно по-разному. То же касается и макросистем различных типов: они должны управляться в разных режимах.

Нельзя сказать, что правительство страны вовсе не обращает внимания на эту группу проблем. В последние годы приняты инвестиционные программы развития нескольких депрессивных регионов. Совершаются и структурные преобразования. В частности, в начале 2010 года сформирован Северо-Кавказский федеральный округ, в который вошли регионы, испытывающие инфляционный разрыв, тогда как в составе Южного федерального округа остаются регионы, пребывающие в состоянии рецессионного разрыва. Сама идея формирования федеральных округов заключалась в том, чтобы облегчить процесс управления экономическим развитием страны, как было заявлено изначально. С этой точки зрения решение о выделении Северо-Кавказского федерального округа совершенно правильно и логично, оно преследует ту же цель: сделать более качественным и оперативным процесс принятия решений, в конечном счете – облегчить и усовершенствовать управление экономикой России.

Фрагментарность экономического пространства, дифференциация уровня экономического развития характерны для многих стран современного мирового хозяйства. Это значит, что и в разработке макроэкономической политики они испытывают в целом аналогичные проблемы, решение которых требует формирования адекватных институциональных механизмов.

ГЛАВА 2
Циклическое неравновесие экономической динамики

2.1. Общие основы экономической цикличности: флуктуации и циклы

Непротиворечивость *моделей* макроэкономического равновесия не может служить доказательством того, что это равновесие на практике возможно или – тем более – что оно реально существует. Основная задача этих моделей — выяснить *необходимые* условия существования равновесия, при выполнении которых оно только и может иметь место. Реальная макроэкономическая динамика заключается в последовательном чередовании достижений состояния макроэкономического равновесия и его нарушений, отклонений от него. И если достижение равновесия традиционно считалось «нормальным» состоянием макроэкономических систем, то его нарушение до последнего времени воспринималось как некое исключение из нормального хода вещей и причислялось к ряду «макроэкономических искажений» (macroeconomic distortions).

Такое понимание экономической реальности свидетельствует о сравнительно поверхностных представлениях исследователей. Подобно тому, как в природе ни в одной точке земного шара не может быть вечной весны, — экономике тоже не может быть свойственно состояние вечного процветания. На самом деле «нормальным» является именно такое положение вещей, когда за экономическим подъемом следует спад, состояния улучшения и ухудшения экономической конъюнктуры попеременно сменяют друг друга.

Волнообразный характер движения материи проявляет себя в экономике, как и в других формах развития природы и общества. В экономике он проявляется в форме цикличности экономической динамики. Задача исследователей заключается в том, чтобы понять и выразить причинную обусловленность этой цикличности.

Экономический цикл — это процесс последовательно повторяющегося чередования различных фаз, каждая из которых характеризуется определенным состоянием экономической конъюнктуры и направленностью ее динамики.

Если в развитии макроэкономической системы можно выделить различные фазы, последовательно сменяющие друг друга и хорошо отличающиеся друг от друга, то есть основания думать, что описан экономический цикл. Если эти фазы неотличимы друг от друга или не удалось выделить периодов их последовательного чередования, то нет оснований считать, что описываемые процессы являются экономическим циклом.

В частности, от циклических колебаний следует отличать краткосрочные *флуктуации*, которые могут быть вызваны, например, шоками совокупного спроса или совокупного предложения.

Шок совокупного спроса возникает в случае, когда в силу каких-либо причин (например, неблагоприятных ожиданий) совокупный спрос резко снижается, причем это касается не просто объема совокупного спроса, а всей зависимости между AD и общим уровнем цен. Если предположить, что в исходном состоянии макросистема была равновесной (точка E_0 на рис. 2.1), то в результате спросового шока система обретает новое равновесие E_1, характеризующееся более низким уровнем равновесного выпуска.

Общий уровень цен при этом может как сильно измениться, так и остаться практически неизменным: это зависит от того, на каком участке кривой AS (кейнсианском, классическом или промежуточном) достигалось исходное равновесие макросистемы.

В ситуации шока совокупного спроса задача правительства заключается в том, чтобы стимулировать производителей развернуть производство, для чего недостаточно простых манипуляций со ставкой процента, а нужно «подкачать» в макросистему ресурсы, которые были наиболее дефицитными, тем самым преодолевая ограничение в виде потенциального ВВП (стрелка 2 на рис. 2.1). В результате макросистема возвращается к

прежнему уровню равновесного ВВП (точка E_2 на рис. 2.1), – впрочем, в той степени, в какой усилия правительства в указанном направлении были успешными.

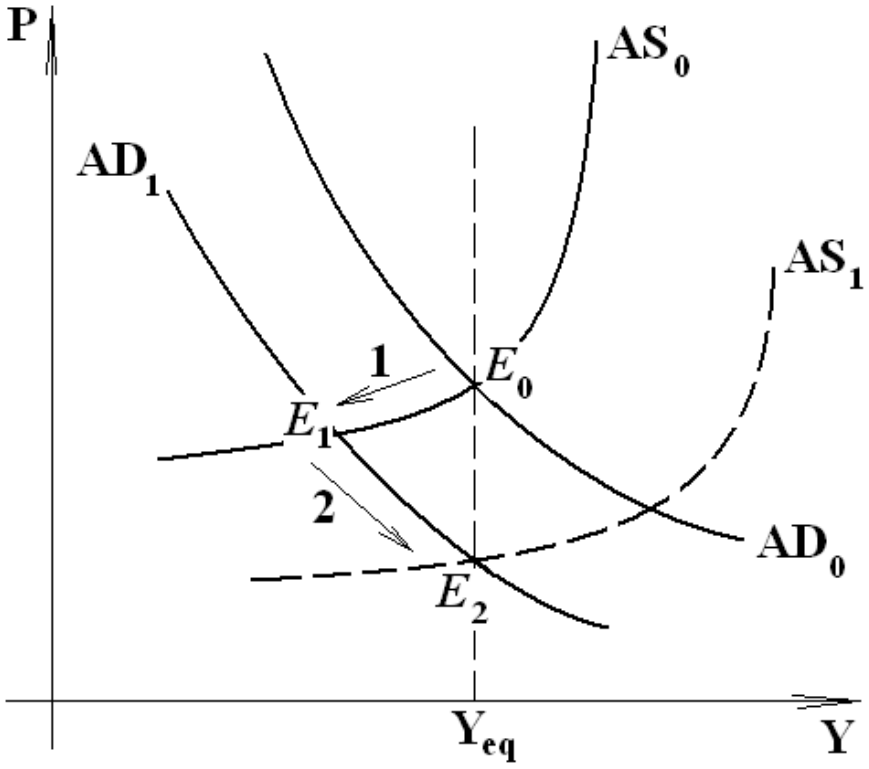

Рис. 2.1. Шок совокупного спроса

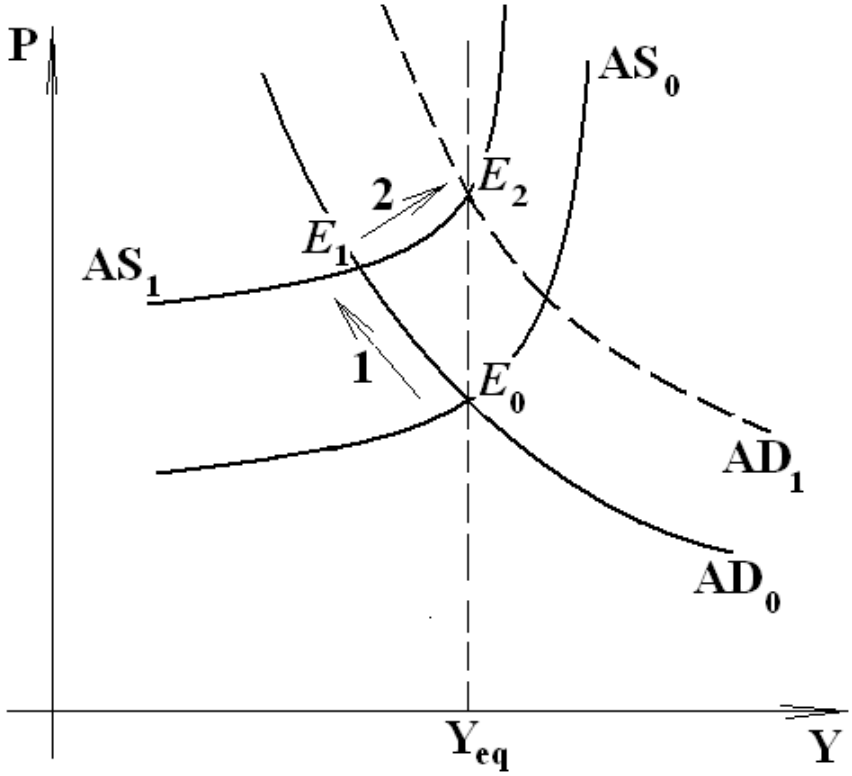

Рис. 2.2. Шок совокупного предложения

Шок совокупного предложения имеет место, как правило, в случаях, когда некоторая часть производительных сил макросистемы претерпела разрушение или потребовалось ее отвлечение на иные, «непроизводительные» цели. В этих случаях кривая AS сдви-

гается вверх и влево (стрелка 1 на рис. 2.2), равновесный объем валового выпуска снижается.

Для исправления ситуации правительство может применить кейнсианские методы стимулирования экономического подъема, разогревая совокупный спрос. Если исходную кривую AD_0 удастся переместить в положение AD_1 (стрелка 2 на рис. 2.2), то первоначальный уровень равновесного ВВП восстановится.

Успешность этих кейнсианских мер определяется в первую очередь тем, на каком участке кривой AS_1 лежит точка смещенного равновесия E_1. Если потенциальный ВВП еще не близок, в макросистеме еще достаточно незадействованных ресурсов, то успех подобных действий весьма вероятен. Если же это не так, то подогревать совокупный спрос нельзя, это губительно для макросистемы и приведет к новым всплескам рецессии.

Описанные флуктуации, порождаемые экзогенными шоками, а также иными причинами, следует отличать от фаз промышленного цикла. Эти краткосрочные спады представляют собой явления иной природы, это не distortions, a fluctuations. Их преодоление требует от правительства совершенно иной логики действий, направленной на достижение краткосрочного результата, на быструю нормализацию экономической динамики. Описанные флуктуации представляют собой краткосрочные колебания, которые могут иметь место на любой фазе промышленного цикла.

К сожалению, специалисты в области экономической статистики не всегда понимают, что изменение динамики ВВП (например, наступление кратковременного периода спада) не обязательно означает смену *фазы цикла*, и часто не умеют отличать чередование фаз от модулирующих эти среднесрочные циклы краткосрочных колебаний конъюнктуры.

Существует множество типов циклов, вызванных различными причинами. Среди них можно выделить три типа циклов, в основе которых лежит технологическая структура производства.

Аграрные технологии развиваются в соответствии с аграрным циклом, продолжительность которого в странах умеренного пояса составляет 1 год. Несмотря на то, что аграрные технологии давно уже не являются ведущими в экономическом развитии мировой экономики, и сегодня помесячные данные важнейших макропараметров (например, ВВП) в большинстве стран мира демонстрируют отчетливые сезонные колебания.

Промышленный цикл представляет собой форму движения индустриальных технологий. Средняя продолжительность этого цикла в различных странах составляет 7-9 лет.

Информационный цикл представляет собой форму движения информационных технологий и выражает последовательную смену кластеров нововведений, замещающих друг друга. Эти циклы называются также длинными волнами, большими циклами экономической конъюнктуры или циклами Н.Д.Кондратьева. Это название связано с тем, что Николай Кондратьев первым описал длинные волны в экономике и предложил некие объяснения причин их существования.

Наиболее популярным и хорошо изученным является промышленный цикл. Этот факт связан с тем, что именно промышленные циклы в течение более чем двух веков были основным фактором, определявшим характер циклической динамики макросистем. Стандартные представления о промышленном цикле исходят из того, что он представляет собой единство четырех последовательных фаз — кризис, депрессия, оживление и подъем.

Промышленный кризис представляет собой фазу, которая характеризуется спадом физических объемов производства. Депрессия — это подавленное состояние (как в психологии, так и в экономике), это фаза, в течение которой объем производства еще не растет, но уже не падает, а колеблется вокруг некой нижней точки (так называемое «дно» цикла — bottom). В этой фазе продолжающееся падение производства в одних отраслях часто сопровождается временными и локальными оживлениями в других.

Следом за депрессией начинается фаза оживления, которая характеризуется ростом инвестиций, от которых пока что отстает рост объемов производства. В фазе подъема,

напротив, рост физических объемов валового выпуска опережает рост инвестиций, которые его вызывают: это является прямым следствием действия инвестиционного мультипликатора, который включается в данной фазе цикла. Таким образом, оживление и подъем экономики по характеру динамики экономической конъюнктуры хорошо отличаются друг от друга.

2.2. Марксова теория промышленного цикла

Более века назад К.Маркс, исследуя процесс общественного воспроизводства, доказал, что экономический рост носит не монотонный, а циклический характер, что повторяющиеся время от времени периоды кризисов — явление не случайное, а закономерное, что фазы подъема с необходимостью должны сменяться фазами кризиса, в которых происходит сокращение физических объемов производства.

В середине прошлого века циклическая природа воспроизводственных процессов была, наконец, признана мировой экономической наукой. Казалось бы, с этого момента должна была начаться углубленная разработка проблем, связанных с динамикой экономического кризиса, изучением его предпосылок и причин, путей выхода из него, а также факторов, усиливающих кризис и противодействующих ему.

Однако этого не случилось. Запад долго не мог утратить веру в возможность бескризисного развития, люди продолжали верить правительствам, обещавшим предотвратить надвигающийся кризис, а после обвиняли отдельных лиц, не сумевших сотворить невозможное, в неумении управлять страной. Торжество обыденного сознания над научным пагубно отразилось на состоянии экономической теории. Чтобы это понять, достаточно открыть несколько западных учебников экономикс: в подавляющим большинстве подобных источников экономические кризисы хотя формально и признаются необходимой фазой макроэкономической динамики, однако им приписываются причины, лежащие вне естественных воспроизводственных процессов.

Возможно, одно из наиболее слабых мест большинства западных экономических доктрин заключается именно в этом. Экономические законы, изучаемые их представителями, отражают реальности фазы экономического подъема, но совершенно непригодны для объяснения кризисных явлений, а значит — и для поиска путей выхода из кризиса. Показательно, что ни одна из практических рекомендаций, сделанных западными учеными для нашей страны в течение кризисного периода 90-х годов, не оказалась пригодной для практического использования, в том числе и те, которые, к несчастью, были опробованы на практике.

Марксова теория промышленного цикла по сей день остается наиболее стройной и последовательной теорией среднесрочных циклических колебаний экономической конъюнктуры. Циклообразующей фазой, наступление которой свидетельствует о начале нового цикла, выступает экономический кризис, кризис перепроизводства, означающий, что отрыв совокупного предложения от совокупного платежеспособного спроса достиг критической черты. Таким образом, в рамках теории промышленных циклов требуют объяснения два основных момента: 1) как и почему наступает экономический кризис; 2) как и почему он преодолевается.

В основе марксовой теории цикла лежат три основных положения.

1. *Коренная причина промышленных кризисов* (а, следовательно, и цикличности производства) — это *противоречие между интересами общества и интересами капитала*.

В самом деле, если условно сгруппировать совершающиеся в обществе процессы товарного обращения в несколько дискретных этапов, то для каждого такого этапа предложение и спрос на достаточно длительном интервале времени должны совпадать по каждому типу рынков (аналог так называемого "закона Сэя"), иначе рынки не могли бы находиться в равновесии. В то же время, для капиталистического предприятия совокупное

предложение его продукта за длительный период времени должно превышать по стоимости предъявляемый им совокупный спрос за тот же период ($TR—TC > 0$), иначе его капитал не может самовозрастать как стоимость. Тем самым, равенство совокупного спроса и совокупного предложения выступает необходимым условием рыночного равновесия (и представляет интересы общества), а устойчивое превышение совокупного предложения над совокупным спросом является необходимым условием самовозрастания капитала (и, таким образом, выражает его частные интересы).

Столь очевидное (и столь глубоко лежащее) противоречие между целями поддержания рыночного равновесия и интересами самовозрастания капитала составляет решающий камень преткновения для большинства государственных программ, призванных отрегулировать экономическое развитие той или иной страны и привести его в соответствие с заранее выбранными структурными ориентирами. Если рынки все же находятся в равновесии, это значит, что для каких-то хозяйствующих субъектов *TR—TC* оказывается меньше нуля, а это значит, что часть производителей разоряется и уходит с рынка.

Поэтому, говорит Маркс, движение индивидуального капитала никогда не может быть понято вне связи с движением множества других капиталов; наличие одного капитала (самовозрастающей стоимости) уже одним лишь фактом своего существования предполагает наличие *множества* капиталов, взаимодействующих друг с другом, а стало быть — и конкуренцию между ними, конечным смыслом которой является самовозрастание одних и разорение других. Следовательно, конкурентная борьба, в которой проигравший прекращает свое существование, выступает необходимой предпосылкой функционирования буржуазной системы производства.

Отчасти на этом факте строится критика так называемых теорий ультраимпериализма, смысл которых заключаются в предположении о том, что все капиталистические предприятия в исторической тенденции сольются в одну гигантскую фирму, управляемую из единого центра. Забавно, что экономисты, поверхностно разбирающиеся в марксизме, полагают, будто описанная историческая тенденция является марксистским идеалом. На самом деле *невозможность* ультраимпериализма выступает непосредственным следствием экономической теории Маркса. В рамках буржуазной системы производственных отношений подобное «всеобщее слияние» невозможно, и стремление к нему, кстати, отнюдь не отвечает экономическим интересам пролетариата.

Отмеченное нами коренное противоречие между интересами самовозрастания капитала и равновесным развитием экономических систем в реальной жизни разрешается посредством регулярно повторяющихся периодов *нарушения* рыночного равновесия, первоначально описанных в экономической литературе как *кризисы перепроизводства*. Это название, улавливающее лишь обманчивую видимость вещей и не вскрывающее их глубинных причин, тем не менее, верно отражает тот факт, что одним из источников кризисной динамики служит устойчивое превышение совокупного предложения над совокупным платежеспособным спросом.

По выражению Маркса, промышленный кризис есть сведение воедино и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазного производства.

2. *Материальной основой промышленного цикла* выступает *процесс обновления основного капитала*.

Моральный износ основного капитала в течение промышленного цикла постепенно снижает норму прибыли (отношение *TR—TC* к *TC*, выражаемое в процентах), так что каждое следующее добавочное вложение одной и той же величины капитала в одну и ту же отрасль хозяйства приносит в среднем меньшую прибыль, чем предыдущие (так называемый закон убывающей производительности капитала). В периоды массового обновления основного капитала и перехода к новому технологическому укладу средняя норма прибыли скачкообразно повышается, после чего вновь наступает относительно длительный период ее постепенного снижения.

Движущим мотивом и основной целью капиталистического производства выступа-

ет производство и присвоение прибавочной стоимости, а присваивается она, в частности, в форме прибыли, норма которой имеет тенденцию к понижению, причем эта тенденция периодически преодолевается скачкообразным повышением нормы прибыли в периоды технологических сдвигов. Именно поэтому развитие капитализма на всем его протяжении неизбежно сопровождается революционными изменениями технологической основы производства.

Предшествующий ему экономический строй — феодализм — был достаточно стабилен в технологическом отношении: феодальное общество (так же, как и рабовладельческое) могло в течение многих веков развиваться на неизменной технологической основе. Это связано с тем, что в основе феодального строя лежит натуральное хозяйство, и цель извлечения прибыли не является здесь ведущей, в отличие от буржуазного общества. Для капитализма монотонное технологическое развитие недоступно, технологические сдвиги становятся законом развития буржуазного производства.

Как отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений [11, с. 427]. Таким образом, буржуазия становится первым в истории человечества последовательно *инновационным* классом, экономический интерес которого неразрывно связан с обновлением технологической основы производства.

Циклический характер динамики средней нормы прибыли порожден причинами, лежащими, строго говоря, вне монетарной сферы. По этому поводу К.Маркс отмечал, что "порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов" [12, с. 283].

3. *Формой выражения коренных противоречий* буржуазного производства, запускающей механизм среднесрочных циклических колебаний, выступают *диспропорции в обновлении основного капитала*, порожденные стихийным характером инвестиционных решений.

К.Марксу принадлежат схемы капиталистического воспроизводства, в которых он, в частности, показал, что для осуществления расширенного воспроизводства необходимо, чтобы совокупная добавленная стоимость в отраслях, создающих средства производства, превышала основной капитал, потребленный в отраслях, производящих предметы потребления. Предложение средств производства должно устойчиво превышать спрос на них, а предложение предметов потребления — напротив, отставать от спроса. Этот вывод в дальнейшем лег в основу различных воспроизводственных *теорий недопотребления*, в рамках которых перенакопление капитала обосновывалось фактом перепроизводства товаров, что на фоне стройной теории Маркса выглядит несколько наивно.

Теоретические построения некоторых представителей неоклассического синтеза направлены не на объективный научный анализ среднесрочных циклических колебаний, а на *маскировку* коренных различий между описанными выше краткосрочными флуктуациями, имеющими место в любой фазе промышленного цикла, и последовательным чередованием самих этих фаз. Прежде всего это касается так называемых «шоковых» теорий циклов, рассматривающих шоки совокупного спроса и совокупного предложения в качестве источников циклических колебаний. Они предполагают «двухфазный» цикл: рост ВВП — спад ВВП, а не четырехфазный, как у Маркса. Причин кризиса эти теории не объясняют, источники так называемых шоков лежат вне естественно повторяющегося воспроизводственного процесса, и не случайно многие кейнсианские теоретики совершенно правильно называют их *экзогенными* шоками, настаивая на непригодности большинства неоклассических теорий для объяснения причинных связей, порождающих цикличность макроэкономической динамики.

Кратко охарактеризуем причины снижения остроты промышленных кризисов и, следовательно, роли промышленных циклов в современных макроэкономических системах.

1. Рост совокупного человеческого капитала, овеществление стоимости в рабочей силе высокой квалификации, что повышает трудоемкость производства и снижает перенакопление капитала, вызывающее экономические кризисы.

Специалисты ряда консультационных фирм западных стран время от времени делают расчеты соотношения затрат на технологию и рабочую силу в экономике ведущих стран мира. Главные выводы проведенных исследований состоят в том, что затраты на технологию в несколько раз меньше затрат на информационный персонал, причем технология стоит недорого и становится все дешевле, тогда как заработная плата работников, создающих и использующих ее, неуклонно растет. Наряду с основным капиталом, овеществленным в машинах, зданиях, оборудовании, в ряду циклообразующих факторов большую роль играет износ основного капитала, составляющего часть переменного капитала (уровень образования, квалификация работников).

2. Рост информационного производства: информация как фактор производства способна без значительных затрат перемещаться из одной отрасли в другую, что заметно смягчает структурные диспропорции.

Все более растущая доля совокупного прошлого труда овеществляется не непосредственно в средствах производства, потребляемых в каком-либо конкретном производственном процессе, а в прямо или косвенно потребляемых *всеобщих предпосылках* этих процессов, включая совокупные информационные ресурсы. Это обстоятельство, равно как и значительное возрастание стоимости живого труда по сравнению с овеществленным, *уменьшает* общее перепроизводство капитала, стимулирующее экономические кризисы.

В зависимости от соотношения спроса и предложения информации в различных отраслях производства она способна без существенных дополнительных издержек переливаться из одной отрасли в другую, из одних секторов хозяйства в другие посредством локального увеличения или локального уменьшения наукоемкости соответствующих производств. Это обстоятельство смягчает диспропорции, возникающие в процессе воспроизводства общественного капитала. Таким образом, информация, переливаясь из одних отраслей производства в другие, на протяжении всей истории развития индустриального технологического способа производства играет "буферную" роль, смягчающую кризисные явления, но этот процесс, будучи прежде единичным, случайным, сегодня приобретает статус устойчивой тенденции.

Вследствие развития этих двух тенденций — уменьшения общего перепроизводства капитала и смягчения структурных диспропорций — острота кризисных явлений в современной капиталистической экономике снижается и далее будет снижаться, так что 7-9-летние промышленные циклы в дальнейшем будут оказывать существенно меньшее влияние на протекание воспроизводственных процессов. Сказанное позволяет утверждать, что в основе действия этой тенденции лежит использование информации как непосредственного фактора производства и важнейшего хозяйственного ресурса общества, а также становление информационного типа экономического роста.

Одновременно те же самые процессы усиливают влияние так называемых больших циклов экономической конъюнктуры (длинных волн Н.Д.Кондратьева) на протекание макроэкономических процессов.

2.3. Циклическое неравновесие мультипликационных эффектов

Для начала предположим, что изучаемая макросистема является равновесной, и, соответственно, в ней величина валового выпуска распадается на текущее потребление и инвестиции:

$$Y = C + I. \qquad (2.1)$$

Пусть инвестиции в данной макросистеме возросли на величину ΔI. Это приводит к росту совокупного спроса, и для того, чтобы макросистема продолжала оставаться в равновесном состоянии, совокупное предложение также должно возрасти на некоторую величину ΔY, часть которой, расходуемая на конечное потребление, составляет ΔC = MPC * ΔY, где MPC – предельная склонность к потреблению. Таким образом, новое равновесие макросистемы, возникшее после увеличения объема инвестиций, запишется формулой:

$$Y + \Delta Y = C + MPC * \Delta Y + I + \Delta I. \quad (2.2)$$

Вычитая (2.1) из (2.2), получим уравнение в приращениях:

$$\Delta Y = MPC * \Delta Y + \Delta I,$$

откуда $\Delta Y = \frac{1}{1 - MPC} * \Delta I$. Таким образом, значение инвестиционного мультипликатора составляет

$$k = \frac{1}{1 - MPC}. \quad (2.3)$$

Следует заметить: для того, чтобы последнее равенство имело место, необходимо, чтобы рассматриваемая система пребывала в состоянии макроэкономического равновесия в течение всего периода действия мультипликационного эффекта. В противном случае теория не может гарантировать выполнение соотношения (2.3).

На самом деле (в реальных макросистемах) величина инвестиционного мультипликатора существенно зависит от того, в какую отрасль хозяйства и в каком регионе осуществляются инвестиции. С этой проблемой связан поиск так называемых «точек роста» макросистемы — выявление отраслей и регионов, где инвестиции принесут максимальный по величине мультипликационный эффект.

Некоторые модели, иллюстрирующие процесс распространения инноваций, приводят к выводу о том, что из всех производственных отраслей в современной экономике максимальным мультипликативным эффектом обладает сфера НИОКР и наукоемкого производства [38]. Можно утверждать, что этот факт отражает закономерность перехода макросистемы к информационному производству.

Однако этот эффект проявляется с определенными лагами, что обостряет хорошо известное противоречие между краткосрочными и долгосрочными целями развития макросистемы.

Аналогичный результат получен в работе [9, с. 250-252], в которой на основе вычислительного эксперимента на CGE-модели (вычислимой, полной и равновесной модели) российской экономики было показано, что мультипликативный эффект от инвестиций в НИОКР и образование максимален, но горизонт его максимальной эффективности составляет 8-10 лет, а в краткосрочной перспективе (1-2 года) показатели экономического роста несколько хуже по сравнению с «инерционным» сценарием, в котором основные инвестиции направляются в реальный сектор.

Те же модели показывают, что доля «новаторов» (агентов, избирающих инновационные стратегии) не должна быть сколь угодно большой. Если правительство перестает поддерживать новаторов, то общество в целом направляет в инновационную сферу намного меньше инвестиций, чем этого требуют общественные интересы, и наступает провал рынка (market failure). Если же государство готово финансировать любого агента, заявляющего о своей причастности к инновационным процессам, принимая на себя его риски, то их становится слишком много, и наступает «провал государства» (government failure), когда действия правительства не приближают локальный рынок к состоянию равновесия, а удаляют от него.

В любой макросистеме существует некая точка насыщения, максимально допустимая доля новаторов в обществе, при превышении которой технологический сдвиг уже не будет идти быстрее; наоборот, дальнейший рост доли новаторов чреват распылением инвестиционного потенциала.

Мультипликационные эффекты в современной экономике играют роль *эффектов обучения*: они показывают, насколько эффективно макросистема обучается использовать имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, логика вовлечения которых в хозяйственный оборот диктуется объемом совокупного спроса и его составных частей [34].

К мультипликационным эффектам привязана также реакция фондового рынка на текущую экономическую информацию. Оживление финансовых рынков всегда связано с разогревом совокупного спроса. Финансовые рынки «теплеют», когда получают сообщение о приращении любой (какой бы то ни было) части совокупного спроса, и «застывают», получая информацию о его уменьшении. Например, на сообщение о подготовке запуска космического корабля в космос фондовый рынок неизменно активизируется в сторону повышения: растут госрасходы, а значит, запускаются связанные с ними мультипликационные эффекты. Когда приходят сообщения об увеличении сальдо внешней торговли, о ликвидации задолженности по зарплате или об увеличении объема социальных трансфертов в какой-либо стране (любая информация о том, что доходы физических лиц выросли в неизменных ценах), фондовый рынок в этой стране испытывает краткосрочный подъем. Но если последующий социологический опрос показал, что домохозяйства не склонны быстро потратить доставшиеся им деньги (склонность к сбережению оказывается сильней), то финансовые рынки немедленно отыграют назад предшествующий рост, который был обусловлен оптимистичными ожиданиями относительно роста объемов конечного личного потребления, и динамика фондовых рынков вновь вернется в прежнюю колею. Подобных примеров можно привести огромное множество.

Во многом аналогична и динамика валютного рынка: валюта страны с рыночной экономикой укрепляется (ее курс растет) в случае, когда совокупный спрос в этой стране возрастает. В плановой экономике установление валютного курса ориентировалось на иные, симметричные показатели, а именно, на объем не совокупного спроса, а совокупного предложения. Например, выпуск очередной партии станков, вносящий значительный вклад в ВВП страны, приводил к росту директивно устанавливаемого курса ее валюты. Это связано с тем фактом, что в условиях плановой экономики макросистема пребывает в состоянии инфляционного разрыва (совокупное предложение устойчиво отстает от совокупного спроса), а потому именно совокупное предложение выступает фактором, ограничивающим возможности экономического роста. В условиях рецессионного разрыва, в котором пребывает большинство макросистем с рыночной экономикой, подобным ограничителем выступает совокупный спрос.

Циклический характер мультипликативных эффектов в экономике соответствует общей логике экономической цикличности. В кризисной экономике, так же, как и в растущей, действует инвестиционный мультипликатор, только с обратным знаком. Подобно тому, как в здоровой, растущей экономике имеет место мультипликатор инвестиций, точно так же в кризисной экономике включается мультипликатор неплатежей: изъятие денег из инвестиционного процесса (дезинвестирование) ведет к потере определенного объема ВВП, значительно большего, чем тот объем инвестиций, которого недосчиталась макросистема. Например, в России в середине 90-х годов (это период самой глубокой рецессии) 1 рубль внутреннего государственного долга (своевременно не выплаченные из бюджета зарплата и социальные трансферты) оборачивался потерей 5-6 рублей в совокупном объеме ВВП, тогда как в растущей российской экономике середины 2000-х годов (это годы наиболее быстрого подъема) 1 рубль инвестиций и госрасходов приносил чуть более двух рублей краткосрочного прироста ВВП [23].

Количественная асимметрия такого рода вполне объяснима. В период кризиса, когда падает уровень жизни, возрастает предельная склонность к потреблению (MPC), а следовательно, растет величина инвестиционного мультипликатора. Таким образом, значение мультипликатора максимально именно в тот период, когда воздействие мультипликационного эффекта на экономику наиболее разрушительно [28]. В этой «несимметричности» мультипликационных эффектов заключается одна из решающих причин того, что

спад физических объемов производства всегда происходит быстрее, чем послекризисное восстановление макроэкономической системы.

Отмеченный эффект гистерезиса объясняется и моделируется, в частности, на основе сочетания прямых и обратных связей в макроэкономических системах. Предельная склонность к сбережениям прирастает тем быстрее, чем выше совокупная эффективность инвестиций, но эта эффективность растет тем медленнее, чем выше предельная склонность к сбережениям. В результате возникает хорошо известная модель «хищник — жертва», описываемая системой дифференциальных уравнений типа Лотки — Вольтерра. Решением этой системы уравнений являются периодические или (в зависимости от условий) почти периодические функции, динамика которых позволяет без труда объяснить циклические колебания предельной склонности к сбережениям, а, следовательно, и отмеченные выше «пульсации» инвестиционного мультипликатора.

Таким же образом можно моделировать логику технологических сдвигов. Капиталоотдача растет тем быстрее, чем выше эффективность нововведений, но прирост эффективности нововведений происходит тем быстрее, чем ниже капиталоотдача, потому что в эти периоды потребность в нововведениях усиливается и их внедрение обусловлено возрастающим спросом на новые технологические решения. На основе этой идеи, восходящей к работам Й.Шумпетера, можно моделировать циклы Кондратьева, порождаемые технологическими сдвигами, внедрением в технико-экономическую систему новых кластеров нововведений [6].

При моделировании циклических колебаний такого рода важно знать, какие управляющие воздействия способны сжать амплитуду цикла с тем, чтобы уменьшить негативное влияние этих циклов на экономическую динамику (задача антициклического регулирования) [2]. Современная парадигма управления экономической динамикой не предполагает необходимости подавления циклических колебаний, а лишь исходит из целесообразности управления ими в соответствии с логикой задач, стоящих перед макроэкономической системой. Это управление позволяет повысить обоснованность мер макроэкономической политики, применяемых как в целях стабилизации макросистем, так и в целях стимулирования экономического роста.

Моделирование цикличности экономической динамики, не учитывающее естественно возникающих колебаний инвестиционного мультипликатора, обычно требует введения дополнительных (иногда довольно искусственных и сложных) предположений, связанных с наличием индуцированных запаздывающих по времени инвестиций, т.е. с неким «расщеплением» мультипликационного эффекта, позволяющим объяснить продолжительную фазу экономического подъема и короткую фазу спада [1].

Разумеется, исследуя (и стимулируя) любые мультипликационные эффекты, необходимо помнить о том, что они действуют с определенными лагами и на определенных временных горизонтах. Кроме того, нельзя упускать из виду, что мультипликационные эффекты сопровождаются изменениями общего уровня цен и процентной ставки. Стимулирование совокупного спроса при помощи «кейнсианских» мер поднимает общий уровень цен, и это обстоятельство решающим образом влияет на проблему «сложения» (взаимного наложения) мультипликационных эффектов.

Взаимное наложение мультипликационных эффектов, имеющих разную природу, редко бывает успешным. Обычно суммарный эффект такого рода меньше, чем сумма составляющих его «чистых» эффектов, которые возникали бы в случае, если бы эти «чистые» эффекты реализовались последовательно. В качестве примера заметим, что суммарный мультипликационный эффект от одновременного воздействия на налогообложение заработной платы и доходов по финансовым инструментам оказывается меньше, чем арифметическая сумма двух мультипликационных эффектов от этих двух управляющих воздействий, применяемых по отдельности [10]. Причина этого факта заключается в том, что ослабление налогового пресса на личные доходы влечет за собой стимулирование совокупного спроса, что повышает общий уровень цен. Поэтому эффект от расширения де-

нежной базы, вытекающий из снижения налогов на доход по финансовым активам, частично демпфируется этим приростом общего уровня цен.

Колебания инвестиционного мультипликатора, как и мультипликаторов других типов, обычно не находят отражения ни в теоретических построениях, ни (тем более) в разработке мер макроэкономической политики [31]. Однако без учета этих фактов антициклическое регулирование экономики перестает быть научно обоснованным, поскольку циклическая динамика мультипликаторов является центральным моментом, позволяющим осмыслить модификацию современного промышленного цикла и принять адекватные практические решения, направленные на демпфирование неблагоприятных последствий экономических кризисов.

2.4. Промышленный цикл в модели AD—AS: экономика рецессионного разрыва

Рассмотрим стандартную модель AD—AS, построенную в координатах «текущий объем ВВП Y — общий уровень цен P», и напомним, что рост объема ВВП в краткосрочном периоде ограничен так называемым потенциальным уровнем ВВП Y^*, объем которого определяется последней единицей наиболее дефицитного ресурса (см. пункт 1.1).

Если текущий объем ВВП близок к потенциальном уровню (точка W_0 на рис. 2.3), то дальнейшее стимулирование спроса лишь незначительно увеличивает ВВП, но заметно отражается на росте общего уровня цен (стрелка 1 на рис. 2.3). Эта ситуация называется *инфляционным перегревом* экономики (точка W_1 на рис. 2.3), вслед за которым нарастание инфляционных процессов вызывает затухание деловой активности и стагнацию, а затем и спад физических объемов производства, который, в свою очередь, усиливает инфляцию, снижая объем товарного покрытия денежной массы (стрелка 2 на рис. 2.3). Этот процесс смещения кривой совокупного предложения вдоль кривой совокупного спроса AD_1 сопровождается разрушением производительных сил и, следовательно, снижением уровня потенциального ВВП (точка W_2 на рис. 2.3).

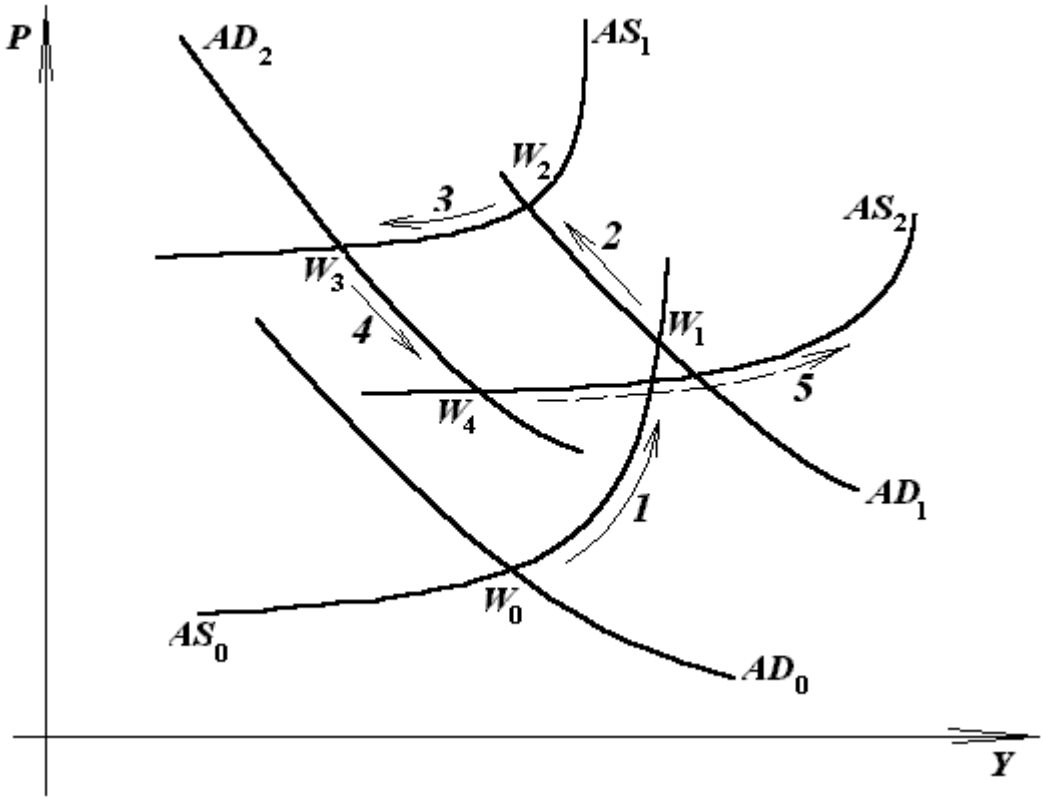

Рис. 2.3. Традиционный вид промышленного цикла

Одновременно с развертыванием инфляционных процессов сжимается совокупный

спрос: кривая AD_1 смещается вниз и влево до положения AD_2 (стрелка 3 на рис. 2.3), что сопровождается дальнейшим падением производства при стабилизации общего уровня цен (точка W_3 на рис. 2.3). «Классический» выход из промышленного кризиса заключается в том, что через некоторое время производители вынуждены снижать цены, ориентируясь на упавший уровень совокупного спроса, что смещает вправо и вниз кривую AS (стрелка 4 на рис. 2.3) и тем самым облегчает доступ к ресурсам, которые могут быть вовлечены в производство. Рост производства (точка W_4 на рис. 2.3) вновь стимулирует расширение совокупного спроса (штриховая стрелка 5 на рис. 2.3), и все повторяется снова.

Следует подчеркнуть очевидное на данной схеме различие между двумя фазами промышленного цикла — фазой оживления, в которой рост инвестиций заметно опережает рост ВВП, осуществляемый в основном за счет сдвига кривой AS (стрелка 4 на рис. 2.3), и фазой подъема, в которой рост ВВП достигается преимущественно за счет факторов, не связанных со снижением общего уровня цен (стрелка 5 на рис. 2.3). В данной фазе именно стимулирование совокупного спроса включает мультипликационные эффекты, за счет которых рост текущего объема ВВП обгоняет рост инвестиций.

Обратим внимание на то, что точка W_4 на рис. 2.3 лежит выше исходной точки W_0; то же самое можно сказать и о кривых AD_2 и AS_2 по отношению к их исходным положениям (соответственно AD_0 и AS_0): каждая из них лежит выше и правее, чем в начале описанного процесса. Этот факт иллюстрирует два взаимосвязанных эффекта.

1. Так называемый *эффект храповика*, который заключается в том, что общий уровень цен значительно легче поднять, чем снизить.

2. Поступательное развитие производительных сил, которое выражается в том, что потенциальный объем ВВП Y_2*, соответствующий кривой AS_2, превышает исходный потенциальный ВВП Y_0*, соответствующий кривой AS_0. Напомним, что материальной основой промышленного цикла выступает процесс обновления основного капитала, и каждый цикл этого обновления увеличивает эффективность использования ресурсов и, следовательно, потенциальный объем ВВП. Одно из коренных противоречий технико-экономической динамики заключается в том, что технологический прогресс в известном смысле поступателен и необратим, а экономический рост, тем не менее, цикличен.

В основе двух упомянутых эффектов лежат две важнейшие причины:

1 — закон возвышения потребностей, вследствие которого кривая совокупного спроса гораздо легче смещается вправо-вверх, нежели влево-вниз;

2 — различная эластичность совокупного спроса по уровню цен в зависимости от состояния экономической конъюнктуры. В период кризиса падающий совокупный спрос менее эластичен по уровню цен, в период подъема растущий совокупный спрос значительно более эластичен. Тем самым, кривая AS смещается влево-вверх по более «крутой» кривой AD, а вправо-вниз — по более «пологой» (рис. 2.4).

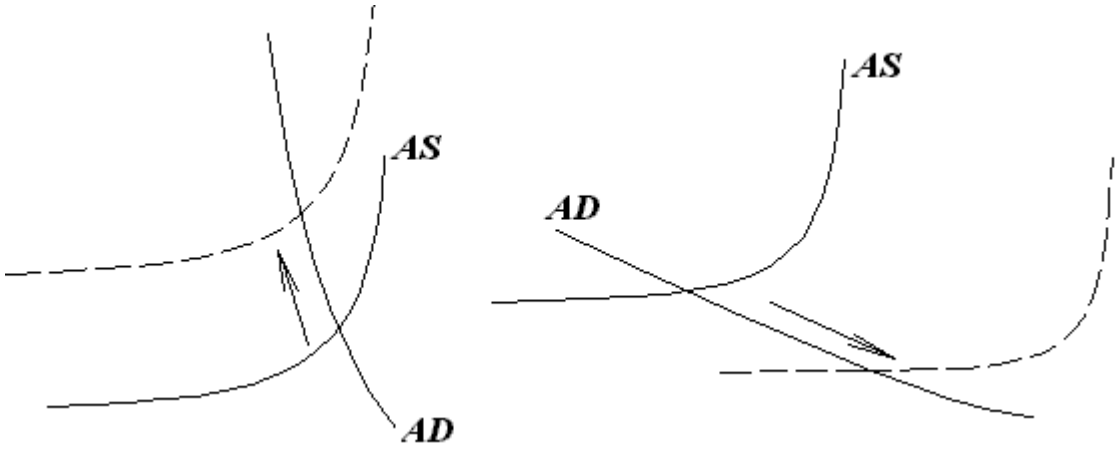

Рис. 2.4. Эластичность кривой совокупного спроса

В условиях доминирования квазимонопольных рынков невозможен «традиционный» выход из кризиса на основе автоматического действия встроенных стабилизаторов, вызывающих снижение общего уровня цен (стрелка 4 на рис. 2.3). Монополия отвечает на сжатие спроса не снижением цен на отраслевом рынке, а сокращением объемов производства. В результате макроэкономическая ситуация «застревает» в точке W_3 на рис. 2.3, и «классический» выход из этого коллапса, основанный на действии механизмов саморегуляции рынка, неосуществим. Классическим примером этой ситуации можно считать так называемую Великую депрессию 1929-1933 годов, наступление которой потребовало коренного пересмотра роли государства в процессах макроэкономической стабилизации.

Проблема монополистической экономики, пребывающей в состоянии коллапса, заключается в том, что путь снижения общего уровня цен, аналогичный стрелке 4 на рис. 2.3, оказывается недоступен для правительства, поскольку этот путь влечет за собой наступление на экономические интересы национальных монополий, стремящихся решить проблемы извлечения прибыли за счет ценовых факторов. Поэтому единственный реально возможный способ обеспечить оживление, а затем и подъем экономики (на что, собственно, и указал в свое время Дж.М.Кейнс), заключается в стимулировании спроса. Эта возможность всегда реально существует, поскольку в депрессивной экономике существует значительный объем незадействованных ресурсов, текущий реальный уровень ВВП достаточно далек от потенциального, а это значит, что стимулирование совокупного спроса является плодотворным, оно должно повлечь за собой рост производства.

Применение кейнсианских рецептов вызывает модификацию промышленного цикла, которая заключается в том, что в современных макроэкономических системах выход из промышленного кризиса давно уже (более полувека) не сопровождается снижением общего уровня цен.

Заметим, что в основе предложенной логики промышленного цикла в модели AD — AS лежат допущения, которые не слишком похожи на реальное положение вещей, а именно:

1. Промышленный цикл рассматривается в модели как последовательная смена *равновесных* состояний макросистемы, тогда как в жизни первопричиной циклической динамики является именно неравновесие.

2. Предполагается, что кривые совокупного спроса и совокупного предложения смещаются попеременно, тогда как на самом деле они могут смещаться одновременно, что заметно усложняет представленную картину событий.

3. Кривые AD и AS способны не только смещаться параллельно своим предшествующим положениям, как это предусмотрено в модели, но и поворачиваться, изменяя наклон, вследствие чего меняется эластичность объемов совокупного спроса и совокупного предложения по общему уровню цен.

Наличие отмеченных малоправдоподобных допущений принципиально не меняет качественной картины выводов, сделанных на основе анализа представленной модели.

Заметим, что представленная логика промышленного цикла хорошо подходит для макросистем, пребывающих в состоянии рецессионного разрыва, поскольку основным толчком к наступлению кризиса в представленной модели выступает подъем кривой совокупного спроса. В макросистемах, испытывающих инфляционный разрыв (например, в Китае), логика среднесрочного цикла иная, и его модель выглядит по-другому.

Вообще, существует множество различных вариантов протекания промышленного цикла. В теории эта проблема осмысливается в терминах *модификаций* современного промышленного цикла, хотя, на мой взгляд, этот подход не вполне удачен. Ключевые решения лежат на пути исследования различий среднесрочной цикличности в макросистемах, испытывающих разные типы макроэкономического неравновесия - рецессионный и инфляционный разрыв.

2.5. Среднесрочный цикл в модели AD—AS: экономика инфляционного разрыва

Пусть в исходный момент общий уровень цен зафиксировался в точке P_0, ниже равновесного уровня (рис. 2.5), а исходное «перегретое» состояние экономики характеризуется равновесной точкой W_0. Проводя «пресечение», правительство перемещает кривую совокупного спроса в положение AD_1, тем самым равновесное состояние переходит в точку W_1 (стрелка 1 на рис. 2.5). При этом текущий реальный объем совокупного спроса (пересечение линии AD с прямой P_0) уменьшается.

Вслед за периодом «пресечения» наступает, как говорят китайские экономисты, «безжизненность». Это довольно короткий период депрессии, в течение которого правительство, получившее временную передышку для решения наиболее острых ресурсных проблем, подтягивает в макросистему ресурсы, дефицит которых породил предшествующий хаос и, соответственно, создал необходимость пресечения. В результате возникает возможность частично вновь вернуть хозяйственные права предприятиям, наступает оживление, частные агенты разворачивают производство, кривая AS_0 смещается в положение AS_1 (стрелка 2 на рис. 2.5). При этом текущее равновесие переходит в точку W_2, оставаясь все еще выше линии общего уровня цен.

Затем на короткое время правительство позволяет совокупному спросу подняться, наступает подъем, всякий раз сопровождаемый угрозой инфляционного перегрева в силу приближения текущего реального объема ВВП к потенциальному. Этот период характеризуется стрелкой 3 на рис. 2.5, в результате равновесное состояние макросистемы перемещается в точку W_3. В этой точке текущий совокупный спрос (абсцисса точки пересечения кривой AD_2 с горизонтальной линией P_0) становится невероятно большим, и наступает пора его подавлять.

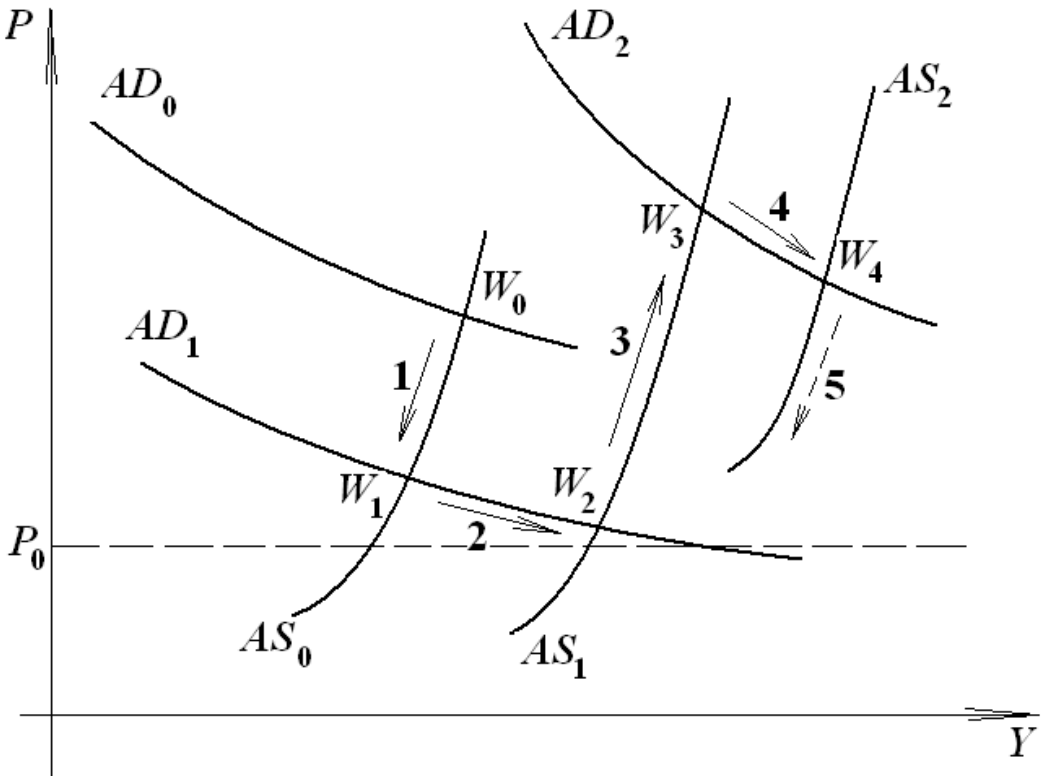

Рис. 2.5. Среднесрочный цикл в экономике инфляционного разрыва

При этом сдвинуть влево кривую AD намного сложнее, чем приподнять общий уровень цен. Поэтому прежде, чем подавлять совокупный спрос, нужно сдвинуть кривую AS вправо, насколько это возможно при текущем уровне ресурсного обеспечения экономики (стрелка 4 на рис. 2.5). Одновременно со сдвигом кривой AS в положение AS_2 пра-

вительство немного приподнимает линию P_0, тем самым стимулируя расширение производства. Собственно, стрелка 4 на рис. 2.5 и обозначает фазу цикла, которую китайские экономисты называют «хаосом»: на фоне резко выросшего совокупного спроса правительство, стимулируя совокупное предложение, позволяет общему уровню цен приподняться.

После этого, когда ресурсные возможности дальнейшего роста вновь приближаются к исчерпанию, наступает пора очередного «пресечения, следующего за хаосом» (стрелка 5 на рис. 2.5), и цикл повторяется снова.

В результате в экономике Китая имеют место среднесрочные циклы той же частоты, что и во всем мировом хозяйстве, и они даже в некотором смысле синхронизированы [39]. В каком-то смысле именно эта синхронизация, возможность для плановой в целом макросистемы идти в ногу со всем мировым хозяйством, является важнейшим и наиболее неожиданным уроком экономической реформы в КНР [20].

Обратим внимание на то, что в условиях ресурсного дефицита правительство, своевременно «подкачивая» в экономику недостающие ресурсы, обеспечивает постоянные сдвиги кривой AS вправо, ни в коем случае не допуская сдвигов этой кривой вверх и влево. В этом залог того, что экономика Китая не испытывала рецессий на протяжении более чем 30 лет. Однако без серьезной технологической модернизации такие маневры не могут быть успешными в течение длительного времени. Срок доминирования одного технологического уклада составляет около 50-55 лет, и если за этот период в экономике не произойдут радикальные технологические сдвиги, судьба такой макросистемы будет очень печальной.

Правительство КНР осознает сложность и масштабность стоящих перед страной задач. Принятые решения направлены на овладение наиболее современными технологиями по целому ряду важнейших направлений, на разработку и внедрение в производство принципиально новых технологий. Сейчас трудно сказать, насколько экономика окажется готова к сдвигам такого рода. Ближайшие 5-6 лет должны показать основные перспективы решения поставленной задачи.

ГЛАВА 3
Мировой экономический кризис и неравновесная динамика мирового хозяйства

Мировой кризис обнажил некоторые очевидные противоречия экономической динамики всемирного хозяйства и отдельных стран мира. Наличие этих противоречий, как правило, молчаливо подразумевалось экспертами и аналитиками, но при анализе факторов среднесрочного порядка обычно не принималось в расчет. Сейчас настала пора задуматься о причинах этого кризиса (прежде всего – лежащих вне финансовой сферы) и о последствиях, к которым приведет его развитие для России и для мирового хозяйства в целом.

Один из серьезных уроков мирового кризиса заключается в слабости, несовершенстве, фрагментарности современной экономической науки, которая в целом оказалась не готова ни предвидеть разразившийся кризис, ни объяснить его причины, ни очертить его основные последствия. В несовершенствах теории самих по себе еще не было бы большой беды, если бы на нее так часто не ссылались при разработке и реализации абсурдных и губительных мер экономической политики.

Разумеется, отсюда не вытекает, что экономическую науку можно объявить ответственной за промахи экономической политики, чаще всего отвечающей интересам определенных групп лиц, для которых как достижения, так и ошибки теории являются лишь удобным прикрытием. Однако прежде чем уделить внимание собственно кризису и связанным с ним мерам экономической политики, необходимо разобраться с некоторыми распространенными заблуждениями экономической науки, что и является нашей непосредственной и ближайшей задачей.

3.1. Спрос на деньги: мифы современной экономической науки

Начнем с простого, казалось бы, вопроса: чем определяется спрос на деньги (в частности, на американские доллары) в современной мировой экономике?

Единственный количественно измеримый ответ, который предлагает в данном случае теория, основывается на так называемом основном законе денежного обращения, выражаемом формулой Ирвинга Фишера:

$$PY = MV,$$

где P – общий уровень цен, Y – текущий объем реального ВВП за данный период времени (например, годовой ВВП), M – объем денежной массы, V – средняя скорость ее оборота за этот период (т.е. каждая обращающаяся единица денежной массы засчитывается столько раз, сколько раз она обращается в течение данного периода, например, года, если в левой части равенства стоит годовой ВВП).

Сторонники данной формулы объясняют, что она выражает пропорциональное соответствие между реальным сектором экономики (который представлен левой частью этой формулы) и монетарным сектором (которому соответствует правая часть формулы), а логика основного закона денежного обращения вытекает из необходимости равенства между спросом на деньги – суммой всех товарных стоимостей, требующих обращения в течение рассматриваемого периода времени (PY), и предложением денег – номинальной суммой всех платежных средств с учетом скорости их оборота (MV).

При всей условности такой категории, как объем денежной массы (на что неоднократно обращали внимание исследователи), а также при всех разногласиях, которыми сопровождается расчет общего уровня цен, заметим, что основная проблема, которая ставит под сомнение эвристическую ценность данной формулы, заключается не в этом. Отметим лишь два момента, существенно ограничивающих возможности использования формулы И.Фишера для практических расчетов.

1. На сегодняшний день на каждый доллар, который обслуживает обращение реальных благ, в мировом хозяйстве приходится по разным оценкам от девяти до пятнадцати долларов, обслуживающих обращение финансовых активов (так называемая «экономика казино»). Между тем, финансовые инструменты, как известно, не составляют никакой части ВВП какой бы то ни было страны, и колебания их цен (курсов) на объем ВВП никак не влияют. Тем самым, связь между объемом ВВП и потребностью в денежной массе, связанной с трансакционным спросом на деньги, достаточно иллюзорна.

Прибавим к этому и тот факт, что в течение текущего года на рынке обращаются реальные блага, выступающие продуктами труда предшествующих лет (например, вторичный рынок жилья и автомобилей) и, таким образом, не имеющие отношения к величине текущего годового ВВП.

2. Помимо трансакционного спроса на деньги (они нужны для обслуживания текущих сделок), существуют также мотив отложенного спроса (резервирование денежных средств для будущих трансакций) и спекулятивный мотив (предпочтение ликвидности, которую можно использовать в будущем с большей выгодой, нежели другие активы). В условиях, когда около 70% мирового оборота приходится на транснациональные компании американского происхождения, доллар США неизбежно является мировой резервной валютой, а это означает, что спрос на доллары никак не связан с объемом текущих трансакций и в значительной степени определяется прогнозируемой потребностью в них для осуществления будущих трансакций.

В последнее время в печати появилось множество околонаучных, псевдонаучных и откровенно лженаучных спекуляций, связывающих инфляционные процессы в экономике США и некоторых других стран с ростом долларовой массы, почти в 30 раз превышающей годовой ВВП всего мира и, следовательно, не обеспеченной товарным покрытием. Легко понять, что товарное покрытие здесь вообще ни при чем. В силу особой роли доллара в мировом хозяйстве ему и не нужно товарное покрытие – в том смысле, в котором оно необходимо другим валютам. До тех пор, пока центральные банки разных стран мира охотно накапливают долларовые резервы, Федеральной резервной системе США нужно лишь заботиться о том, чтобы спрос на эти резервы не иссяк.

Несмотря на сентенции об избыточной долларовой массе, в мировом хозяйстве в целом имеет место *дефицит* ликвидности, в том числе и долларовой, что, разумеется, опрокидывает псевдонаучные представления о механизмах современной денежной эмиссии, которыми пестрят «продвинутые» учебники экономикс.

Таким образом, можно констатировать, что формула Ирвинга Фишера абсолютно непригодна для количественной оценки спроса на денежную массу ни в одной стране мира, но для экономики США она дает немыслимо высокую ошибку в силу указанных обстоятельств. Из приведенных соображений вытекает, что сопоставление объема долларовой массы с объемом годового ВВП какой бы то ни было страны (и даже всего мирового хозяйства) – мысль интересная, но глупая, она лишена практического смысла.

До тех пор, пока доллар США является основной резервной валютой в мире, избыточная денежная эмиссия не только не вредит экономике, но и является инструментом, позволяющим правительству США рассчитываться по внутреннему долгу и финансировать бюджетный дефицит. Ни для одной другой страны подобные механизмы не сработают, поскольку для других стран существует принципиальное различие между внутренним и внешним долгом. Например, российский Центробанк может увеличить рублевую эмиссию для того, чтобы правительство рассчиталось по внутренним долгам, а доллары, необходимые для погашения внешнего долга, нужно заработать, их нельзя просто выпустить в обращение. В отличие от России, для экономики Соединенных Штатов обе эти проблемы могут решаться при помощи вполне аналогичных инструментов, в частности, денежной эмиссии.

Заметим, что попытки «неэмиссионного» финансирования бюджетного дефицита, сводящиеся в основном к вздуванию финансовых пузырей (образцовым примером являет-

ся пирамида государственных казначейских облигаций в России накануне дефолта 1998 года), в конечном итоге приводят финансовую систему к краху, и ликвидация их последствий в любом случае ложится тяжелым бременем на бюджет.

Попутно заметим, что столь же серьезные мифы, укоренившиеся в современной экономической науке, касаются и предложения денежных активов.

Во многих моделях, описывающих денежный рынок, предполагается, что предложение денег (объем находящейся в обращении денежной массы) полностью определяется центральным (эмиссионным) банком страны и не зависит от текущих значений макропараметров (в частности, от ставки процента). Спрос на деньги, разумеется, обратно зависит от ставки процента. Тем самым, равновесие на денежном рынке выглядит так, как показано на рисунке 3.1, где спрос на деньги обозначен через L^D, а предложение денег — через L^S.

Радикальная ошибка представителей неоклассического синтеза заключается в том, что предложение денег с точки зрения этой теоретической доктрины обеспечивается исключительно эмиссионным банком. На самом деле, помимо центробанка, предложение денег обеспечивается совокупностью действий огромного множества частных агентов.

Во-первых, банки второго уровня мультиплицируют достающиеся им от эмиссионного банка денежные ресурсы и выдают кредиты на суммы, многократно превышающие их активы. В соответствии с этим говорят, что банковская система выполняет так называемую функцию создания (делания) денег — money making function. Чем сильнее дорожают деньги, тем сильнее желание коммерческих банков их мультиплицировать.

Во-вторых, частные агенты, выводящие свои денежные активы на открытый рынок из состояния отложенного спроса, также увеличивают предложение денег в экономике благодаря тому, что используют денежные активы, имеющиеся у них на руках, в качестве средства обращения. Тем самым, интенсификация денежного обращения (увеличение средней скорости обращения денежных активов) имеет в известном смысле такие же последствия для макросистемы, как если бы в ней оказалось больше денежных единиц.

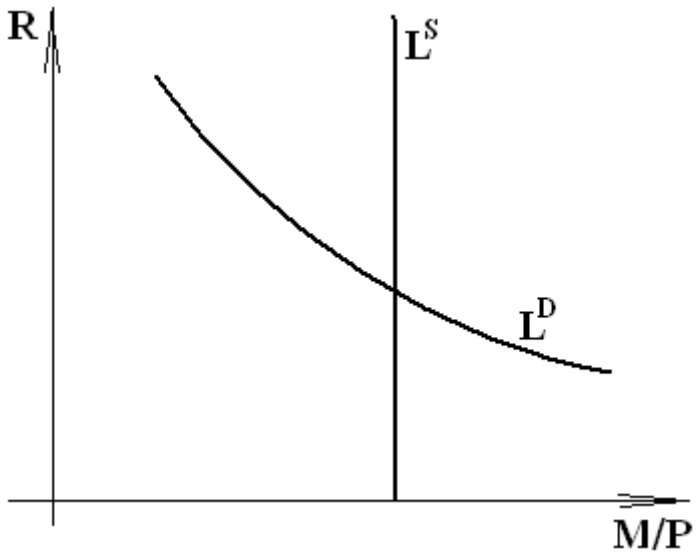

Рис. 3.1. Равновесие на денежном рынке

Наконец, в-третьих, частные агенты увеличивают предложение денег в экономике, выступая эмитентами долговых обязательств, способных обращаться в качестве ликвидных платежных средств и средств обращения. Например, человек, расплатившийся векселем взамен наличных или электронных денег, увеличил объем совокупной денежной массы в макросистеме. Такое увеличение объема денежной массы достигается за счет ухудшения ее качества (низколиквидные денежные инструменты вытесняют высоколиквидные полноценные деньги), однако этот объем увеличивается благодаря эмиссии *любых* акти-

вов, способных выступать ликвидным средством обращения. Естественно, что чем дефицитнее и дороже деньги в обществе, тем больше желание частных агентов выступить эмитентами долговых обязательств, преодолевающих этот дефицит.

Таким образом, зависимость объема предложения денег от ставки процента прямая: чем дороже деньги, тем выше должен быть уровень их предложения.

Хотя в любой макросистеме предложение денег есть монотонно возрастающая функция от ставки процента, но чем сильнее в целом кредитно-банковская система страны, тем ближе кривая предложения денег к вертикальной прямой. В развивающихся странах, а также в кризисной экономике это мало похоже на правду. В этом заключается одна из причин, по которым рецепты реформирования банковской системы, пригодные для многих развитых стран, приводят к краху банковские системы стран мировой «периферии».

Страна с сильной, хорошо управляемой банковской системой может позволить себе проводить так называемую *жесткую денежную политику*, при которой целевым параметром регулирования денежного обращения выступает объем денежной массы (то есть собственно предложение денег), слабо зависящий от уровня процентной ставки (рис. 3.2).

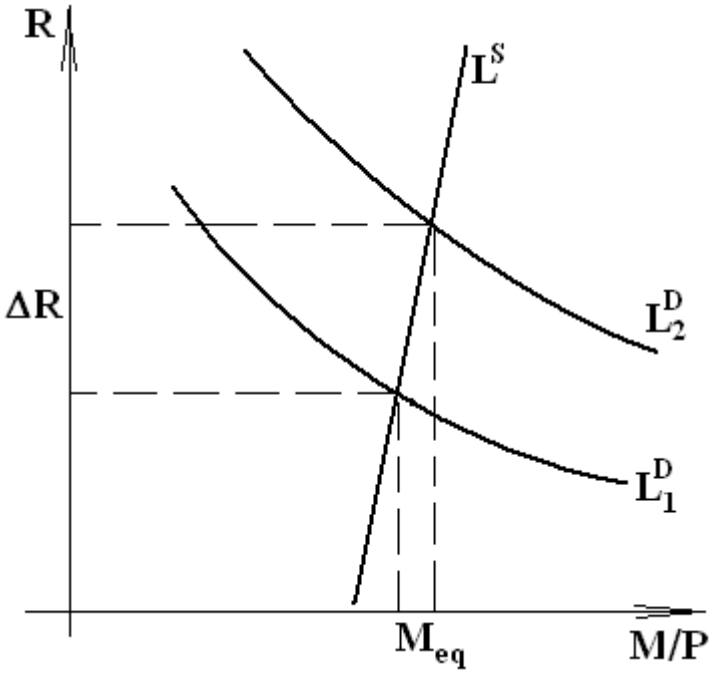

Рис. 3.2. Жесткая денежная политика:
таргетируется равновесный объем денежной массы

Если степень управляемости денежным обращением страны невысока, то нет смысла таргетировать (удерживать под контролем, рассматривать в качестве целевого параметра управления) объем денежной массы: он все равно выйдет из-под контроля правительства. В таких ситуациях таргетируется равновесная ставка процента, которую правительство пытается удержать, несмотря на слабо контролируемое расширение объемов денежного предложения (рис. 3.3). Это называется *гибкой денежной политикой*.

Дефицит ликвидности означает, что в экономике оказывается в некотором смысле недостаточно много денежных активов. У кого именно их недостаточно много и, собственно, по сравнению с чем их недостаточно много – на эти вопросы чуть позже нам еще предстоит ответить.

Ключевые проблемы американской (и мировой) экономики отнюдь не вытекают ни из избыточной, ни из недостаточной денежной эмиссии. Они лежат в принципиально иной плоскости, связанной с достаточно глубокими внутренними диспропорциями, краткое рассмотрение которых является нашей следующей задачей.

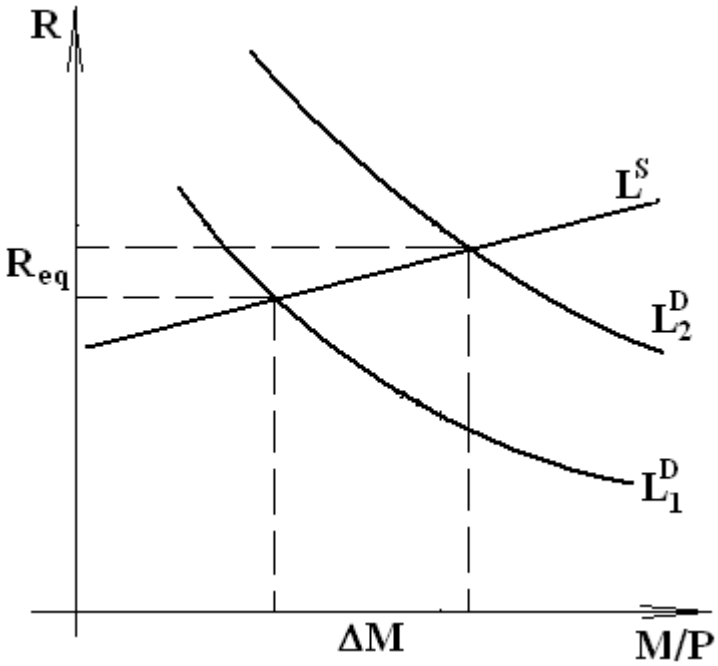

Рис. 3.3. Гибкая денежная политика:
таргетируется равновесный уровень ставки процента

3.2. Предкризисная экономика США: логика рецессионного разрыва

В течение последних 20 лет в американской экономике имеет место ситуация рецессионного разрыва: общий уровень цен зафиксировался на отметке P_0, при которой совокупное предложение Y_{AS} устойчиво превышает совокупный спрос Y_{AD} (рис. 3.4).

Устойчивое неравновесие макроэкономической системы, пребывающей в состоянии рецессионного разрыва, предполагает несколько возможных сценариев восстановления равновесия [22, 23], которые обозначены стрелками на рис. 3.4 и были подробно рассмотрены в пункте 1.3.

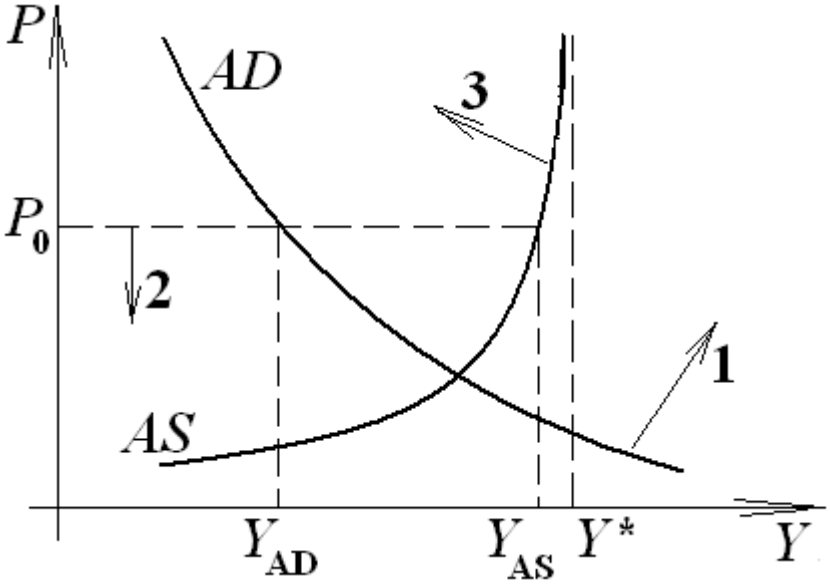

Рис. 3.4. Рецессионный разрыв: сценарии неравновесной динамики

Описанная выше логика макроэкономического неравновесия лишь приблизительно отражает реальную картину тех проблем, с которыми столкнулась американская экономи-

ка. Рисунок 3.4 не содержит информации об отрицательном сальдо платежного баланса и о том, почему Соединенные Штаты в течение последних лет (с тех пор, как Билл Клинтон покинул Белый Дом) являются нетто-импортером, что для растущей экономики, возможно, не столь уж важно, а в экономике, стоящей на пороге рецессии, представляет собой критически важный момент, серьезно ограничивающий возможности маневра для национального правительства.

В современной экономике США (как, впрочем, и в любой реальной макроэкономической системе) кривые AD, AS и линия общего уровня цен движутся не попеременно, а одновременно. В частности, некоторые локальные рынки в конце 2008 года уже начали испытывать спад, в ряде отраслей уже с весны 2008 года снижался уровень цен (например, на рынке недвижимости), отдельные составные элементы совокупного спроса также претерпевают изменения. В этой пестрой картине нужно уловить закономерные тенденции, которые позволят понять, в каких пределах и в каком смысле экономика США продолжает оставаться управляемой, а в чем ее динамика уже вышла из-под контроля правительства.

Чем, собственно, опасно падение цен на рынке недвижимости США? Почему эксперты наперебой обвиняют этот (сравнительно узкий) локальный рынок в серьезных потрясениях, которые обрушились на американскую экономику, или, по меньшей мере, отводят ему роль «спускового крючка», обнажившего коренные макроэкономические противоречия?

Скажем сразу, что в России падение цен на рынке недвижимости было бы скорее благом, спасающим экономику от перегрева, вызванного ценовым фактором инфляции, действие которого связано с искусственным вздуванием цен на монополизированных локальных рынках. Но в американской экономике с развитым рынком вторичных финансовых инструментов, где долговые обязательства можно перепродавать и закладывать, недвижимость занимает особое место – она выступает основным залогом по долгосрочным кредитам и финансовым операциям.

Таким образом, снижение цен на недвижимость означает удешевление залога, что чревато возрастанием долгосрочных банковских рисков, поскольку те же самые кредитные операции становятся менее обеспеченными. Возрастание рисков банки компенсируют за счет подъема коммерческой учетной ставки, прежде всего так называемой prime rate (исходной, минимальной ставки по долгосрочным кредитам для хорошо проверенных и надежных заемщиков), которая служит основой для расчета целого спектра более высоких процентных ставок.

Повышение банковской учетной ставки означает удорожание денег в экономике, что неминуемо оборачивается всплеском инфляции издержек, поскольку плата по кредитам является неотъемлемой составной частью любого коммерческого проекта. Это затруднение доступа к деньгам означает также свертывание ряда проектов, внутренняя норма отдачи которых не укладывается в возросший кредитный барьер. Если же это повышение коммерческой ставки продлится достаточно долго, то экономику ожидает спад целого ряда ведущих отраслей, т.е. наступление настоящей рецессии.

Возможность этого опасного варианта развития событий, очевидно, имело в виду правительство США. Однако ответом на рост prime rate оказалось лишь предпринятое Федеральной резервной системой снижение ставки рефинансирования, которая в течение 2008 года упала в несколько раз, оказавшись существенно меньше индекса инфляции. Тем самым, правительство попыталось частично принять на себя риски банков второго уровня, таким образом намереваясь сдержать рост коммерческой учетной ставки. Легко понять, что эта мера не достигла цели, потому что коммерческие банки (как, впрочем, и любой другой агент) компенсируют рост рисков одного типа за счет дополнительной перестраховки по другим видам операций. Поэтому в экономике США ставка рефинансирования падает, а prime rate, тем не менее, в то же самое время растет.

Такая ситуация опасна прежде всего тем, что ставка рефинансирования перестала выполнять свое основное назначение, а именно – она перестала быть регулятором уровня коммерческой процентной ставки. Таким образом, правительство сознательно выпускает из рук важнейший инструмент управления монетарной системой страны.

Аналогичная ситуация (правда, по иным причинам) сложилась в экономике России в середине 90-х годов, когда правительство взяло курс на сжатие объемов денежной массы и, тем самым, фактически перешло к политике дорогих денег, хотя и не объявило об этом прямо. Поскольку денежные ресурсы оказались в дефиците, то процентная ставка стала быстро возрастать, а ставка рефинансирования, переставшая выполнять роль макроэкономического регулятора, была вынуждена ее догонять запоздалыми и совершенно нелогичными прыжками. При этом, разумеется, рост коммерческой учетной ставки привел к увеличению издержек производства и, соответственно, к новым всплескам инфляции издержек, несмотря на то, что сжатие объемов денежной массы предпринималось именно под лозунгом борьбы с инфляцией. Таким образом, в России в период экономического кризиса либерально-монетаристская концепция макроэкономической политики в очередной раз подтвердила свою непригодность, как это произошло и в экономике США в 2008-2009 годах.

Почти единственный инструмент, который реально остается в распоряжении правительства США, — это совокупный спрос. Как известно, его объем Y_{AD} складывается из конечного потребления C, валовых инвестиций I (частных и государственных), государственных расходов (закупок) G и чистого экспорта X_n:

$$Y_{AD} = C + I + G + X_n.$$

Удорожание денег приводит к тому, что частное конечное потребление и частные инвестиции сжимаются. Нетто-экспорт, уже будучи отрицательным, также продолжает уменьшаться, хотя рост процентной ставки играет в этом процессе не главную роль. Легко понять, что падение совокупного спроса, которое имело место накануне кризиса в американской экономике, лишь углубляет расхождение между объемами AD и AS и тем самым подталкивает экономику к пропасти масштабной рецессии.

Практически единственный рычаг, при помощи которого правительство США было способно остановить быстрое падение совокупного спроса, — это государственные расходы и государственные инвестиции. Только посредством их радикального увеличения можно было спасти экономику от угрозы наступления глубокого и длительного кризиса. Однако для этого пришлось бы признать, что либеральная доктрина как основа управления экономикой США потерпела полный провал, и обратиться к кейнсианским рецептам преодоления кризиса, основанным на стимулировании совокупного спроса.

3.3. Альтернатива Хаавельмо: логика мультипликационных эффектов

Дилемма, перед которой остановилась американская экономика, да и вся мировая экономика в целом, имеет достаточно давнюю теоретическую историю. В основе этой дилеммы лежит альтернатива, связанная с выбором оптимального пути краткосрочного стимулирования роста ВВП и называемая альтернативой Хаавельмо [21, 24, 33].

Для стимулирования роста в краткосрочном периоде правительства стран с выраженной либеральной логикой макроэкономического регулирования (например, США, Канады, Австралии) чаще всего снижают налоговое бремя на экономику, развязывают частную инициативу и, соответственно, снижают уровень госрасходов. Правительства скандинавских стран (например, Швеции и Финляндии), столкнувшись с подобной проблемой, чаще поступают противоположным образом: они увеличивают налоги и обеспечивают рост государственных расходов и инвестиций, на этой основе добиваясь прироста ВВП. При этом результат достигается, в общем, аналогичный, а пути, ведущие к нему, совершенно различны.

Еще лет 20 назад, когда либеральное направление экономической науки пользовалось непререкаемым авторитетом, в теории казалось очевидным и не подвергалось сомнению, что путь к краткосрочному стимулированию ВВП любой макросистемы лежит через развязывание частной инициативы и снижение налогов. Каждого, кто посмел бы в этом усомниться, эксперты подняли бы на смех. Однако реальности развития целого ряда скандинавских стран в 90-е годы на практике показали, что в данном вопросе возможны иные решения. Оставалось лишь дождаться теоретического обоснования этой очевидной реальности, что, собственно, и было сделано в работах Нобелевского лауреата Трюгве Хаавельмо.

Альтернатива Хаавельмо — это дилемма между двумя принципиально разными способами стимулирования краткосрочного подъема экономики. Первый из них заключается в усилении налогового бремени и перераспределении собранных налогов через бюджеты всех уровней, завершающемся обратным вливанием их в экономику в виде госрасходов и государственных инвестиций. Второй способ — развязывание частной инициативы путем снижения налогов и соответственного уменьшения госрасходов.

Реальный смысл данной альтернативы вполне очевиден: ни в одной стране мира не удавалось в течение хотя бы среднесрочного периода (сравнимого по продолжительности с промышленным циклом) одновременно снижать налоги и увеличивать госрасходы. К тому же в любой макроэкономической системе действует так называемый *эффект вытеснения*: рост госрасходов влечет за собой стимулирование совокупного спроса, что увеличивает процентную ставку и тем самым сужает поле для приложения частных инвестиций. Таким образом, объем частных инвестиций может снижаться *вследствие* роста государственных расходов.

Заметим, что в подверженной кризису экономике США эффекта вытеснения бояться вовсе не следует, поскольку рост коммерческой процентной ставки уже вытесняет частные инвестиции из макроэкономической системы, и вопрос заключается лишь в том, насколько своевременной и адекватной будет реакция на эти процессы со стороны государственной власти, т.е. в какой мере государственные инвестиции сумеют заполнить инвестиционные ниши, и без того уже освобождаемые частным капиталом.

Стандартная проблема макроэкономической политики заключается в том, какой из упомянутых путей стимулирования роста реального ВВП наиболее приемлем для данной конкретной макроэкономической системы. Ответ на этот вопрос частично дает так называемая теорема Хаавельмо, которая доказана для случая сбалансированного бюджета (т.е. в предположении о том, что все собранные налоговые поступления в бюджет будут обратно возвращены в экономику в течение текущего периода) и ставит во главу угла соотношение между инвестиционным и налоговым мультипликаторами. Если отрицательный мультипликационный эффект от повышения налогов выше, чем польза от прироста госрасходов, то следует в большей степени ориентироваться на частную инициативу, снижая налоговый пресс на экономику. Если же мультипликационный эффект от прироста государственных инвестиций и госрасходов оказывается выше, чем вред от сбора налогов, то более эффективным путем является перераспределение ВВП через госбюджет.

Нобелевский лауреат Трюгве Хаавельмо, одним из первых поставивший данную проблему в теоретической плоскости и предложивший некие подходы к обоснованию экспансионистской бюджетной политики государства, не случайно является уроженцем Норвегии. В его работах фактически получила теоретическое обоснование так называемая скандинавская модель экономического роста, в значительной степени основанная на последовательном и неуклонном росте доли ВВП, перераспределяемой через бюджеты всех уровней.

Заметим, что в современных скандинавских странах доля госрасходов в ВВП в последние 10 лет превышает 50-55%, тогда как в странах с традиционно либеральной моделью государственной экономической политики (например, США и Австралия) она составляет не более 33-35%. В современной России эта доля не достигает и пятой части, и за по-

следние два десятка лет она снизилась на 15-20 процентных пунктов, тогда как в подавляющем большинстве развитых стран она в последние полвека неуклонно растет. Принятый в нашей стране бюджет на 2008-2010 годы (впоследствии пересмотренный) предполагал, что доля госрасходов федерального бюджета в ВВП в течение указанного периода будет колебаться приблизительно на уровне 18%, и в ходе разработки последующих бюджетов эта цифра существенно не менялась. Тем самым, наше правительство закладывает в бюджетную политику «встроенные» ограничители темпов экономического роста.

Один из уроков, вытекающих из анализа альтернативы Хаавельмо, заключается в том, что периодические колебания между дирижизмом и либерализмом, о которых часто говорят эксперты, накладываются на вполне отчетливый тренд, логика которого заключается в неуклонном возрастании роли государства. Можно сказать, что маятник, последовательно качающийся в сторону то дирижизма, то либерализма, характерен для экономической политики эпохи индустриального производства. На этапе перехода к информационному производству либерализму не остается достойного места.

Решение проблемы, поставленной Т.Хаавельмо, для каждой конкретной страны должно быть основано на глубоком понимании логики действия мультипликационного эффекта. Для того, чтобы мультипликатор госрасходов или инвестиций действительно работал (т.е. для того, чтобы G и I действительно выступали составными частями совокупного спроса), необходимы две вещи, о которых нередко умалчивают учебники экономикс.

Во-первых, макроэкономическая система должна обладать известным объемом незадействованных ресурсов (текущий объем ВВП должен быть достаточно далек от потенциального). Если какие-либо ресурсы в обществе близки к исчерпанию, то рост инвестиционных расходов способен вызвать лишь инфляционный перегрев, но не прирост текущего уровня ВВП. Это условие является обязательным для успешного применения «кейнсианских» мер стимулирования роста ВВП через воздействие на совокупный спрос.

Во-вторых, вложенные в экономику инвестиции должны сопровождаться созданием адекватного по стоимости реального товарного покрытия. Если инвестиции или расходы на потребление (в данном случае неважно — частные или государственные) «уходят в песок», не принося результата, то в макроэкономической системе нарастает инфляция издержек взамен какого бы то ни было мультипликационного эффекта.

Поэтому принцип Хаавельмо, предполагающий возможность эффективного перераспределения ВВП через госбюджет, вообще говоря, основан на том, что государству лучше, нежели частным инвесторам, известны ключевые «точки роста», инвестиции в которые способны принести максимальный и ярко выраженный мультипликативный эффект. Это предположение вполне справедливо для большинства макроэкономических систем. Поскольку мультипликативные эффекты для частных агентов являются внешними, то их логика и механизмы их реализации совершенно выходят за пределы внимания этих агентов. Тем самым, получение и использование достоверной информации о мультипликативных эффектах (и, следовательно, о «точках роста» в макроэкономической системе) всецело остается заботой государства.

Возражения против увеличения доли государственных инвестиций в экономике часто основаны на том, что государственные инвестиции хуже защищены от потерь, нежели частные. Между тем, для большинства современных макросистем этот факт является довольно спорным. Как частные, так и государственные предприятия управляются не собственниками, а наемными агентами, действующими от имени и по поручению соответствующего принципала. Поэтому так называемое «чувство собственника», усиленно декларируемое правительствами (и нанятыми им «независимыми» экспертами) во всех странах, пребывающих в преддверии приватизации, чаще всего оказывается иллюзией, уводящей от непредвзятого обсуждения данной проблемы.

Естественный вопрос заключается в том, какими ключевыми чертами должна обладать макроэкономическая система для того, чтобы в ней успешно работал принцип Хаавельмо. Обобщенный ответ состоит в следующем.

1. Если значительную долю ВВП создают отрасли, в которых прямые рыночные эффекты выше, чем внешние эффекты от их существования и развития, то для стимулирования роста производства лучше использовать частную инициативу, снижая налоги и госрасходы. Если львиную долю ВВП создают отрасли, активно создающие внешние эффекты (наука, образование, здравоохранение и т.п.), то принципу Хаавельмо нет реальной альтернативы. Отсюда вытекает ряд важных следствий.

2. Принцип Хаавельмо работает тем успешнее, чем выше в среднем уровень технологического развития экономики, уровень образования населения и продолжительность жизни населения.

3. Если основу экономики составляют отрасли с быстрым оборотом капитала (например, торгово-посредническая или финансовая деятельность, как в Сингапуре или Гонконге), ставка правительства на частную инициативу действует более успешно. Если основу макроэкономической системы составляют «тяжелые» отрасли с медленным оборотом капитала и длительным сроком окупаемости инвестиций (например, экономика Саудовской Аравии или ЮАР), то применение принципа Хаавельмо должно быть более успешным.

4. Чем выше социальная однородность населения и чем сильнее патерналистские традиции в стране, тем успешнее для роста экономики последствия увеличения государственных расходов.

5. Вопрос о роли государственных инвестиций всегда сопровождается обсуждением того, насколько эффективны институциональные механизмы инвестирования. Правительству может быть лучше, чем частным агентам, известны точки роста, но это знание не является гарантией того, что выделенные им госрасходы и инвестиции пойдут по назначению и смогут реально увеличить ВВП страны. Поэтому чем прозрачнее механизмы распределения государственных средств, чем менее коррумпирована экономическая система в целом, тем больше надежд следует возлагать на принцип Хаавельмо.

6. В экономике, чрезмерно обремененной, «перенасыщенной» налогами (в которой малое увеличение налоговых ставок снижает объем налоговых поступлений в бюджет) дальнейшее усиление налогового пресса неэффективно. Применение принципа Хаавельмо в такой экономике предполагает, что *снижение* налоговых ставок сопровождается увеличением налоговых поступлений и – на этой основе – приростом госрасходов и государственных инвестиций.

Заметим, что каждая составная часть совокупного спроса порождает собственные мультипликативные эффекты, различные по своему масштабу и по характеру воздействия на макросистему. Эта идея, высказанная А.Пигу еще в 30-е годы XX века, как ни странно, оказалась надолго забыта. В частности, в мировом хозяйстве существуют макросистемы, в которых инвестиционный мультипликатор не столь велик, а мультипликатор чистого экспорта максимален. В данном случае речь идет совсем не о России (о ней, как всегда, отдельный разговор), а о такой макросистеме, как, например, экономика Туркмении. Соответственно, экспортная ориентация такой экономики не препятствует, а *способствует* экономическому росту и технологической модернизации этих стран. При этом эксперты Международного валютного фонда пугают правительства таких стран опасностью «голландской болезни»: из-за обилия сырьевых ресурсов национальная обрабатывающая промышленность теряет конкурентоспособность и никак не может встать на ноги. Но пока нет ничего страшного в том, что Туркмения за счет экспорта живет и развивается. Самое главное, чтобы эти деньги в конечном счете шли на развитие страны, тратились на образование, формирование реального сектора, надлежащей структуры экспорта, а главное - высоких технологий, как это сейчас делается в Катаре, в Саудовской Аравии и некоторых других нефтеэкспортирующих странах. Разумеется, здесь решающий момент заключается в том, как используются в макросистеме доходы от чистого экспорта, т.е. в какой степени нетто-экспорт действительно является составной частью совокупного спроса.

В течение последних двух десятков лет правительство Соединенных Штатов пыта-

лось нарастить совокупный спрос главным образом за счет стимулирования долгосрочного личного потребления (покупка недвижимости, предметов роскоши и т.п.). Эта политика недальновидна, поскольку в условиях перехода к экономике дорогих денег личное потребление сжимается едва ли не в первую очередь. Правительства скандинавских стран, напротив, накануне рецессии облагают повышенным налогом личное имущество и сверхвысокий личный доход, что позволяет им своевременно нарастить объем госрасходов в экономике. Основная причина этого заключается в том, что мультипликатор госрасходов, как правило, намного выше, чем мультипликатор конечного потребления, особенно в предкризисной и в кризисной экономике. К тому же в условиях, когда надежды на возрастание личного потребления тают на глазах, мультипликационные эффекты, создаваемые при помощи госрасходов и государственных инвестиций, максимальны.

В свете сделанных замечаний можно утверждать, что исходная идея Т. Хаавельмо, основанная на сопоставлении величин инвестиционного и налогового мультипликаторов, заметно упрощает реальное положение вещей. Можно сказать, что альтернатива Хаавельмо по своим эвристическим возможностям интереснее и разнообразнее, чем думали об этом и сам Хаавельмо, и его ближайшие последователи и комментаторы.

Общий вывод состоит в том, что американскому правительству следует немедленно, до тех пор, пока не началась масштабная рецессия, угроза которой до сих пор еще не миновала, обратиться к кейнсианским методам стимулирования совокупного спроса и использовать мультипликативные эффекты, которые бы позволили быстрее преодолеть рецессионный разрыв, максимально задействуя имеющиеся в макроэкономической системе ресурсы.

Вместо этого мы видим беспомощную монетаристскую политику, основанную на снижении ставки рефинансирования, от которого в экономике напряжение ничуть не уменьшается, зато банковский сектор, которому деньги достаются практически даром, получает невиданные возможности для спекулятивных операций на финансовых рынках. Проблема заключается в том, что коммерческая учетная ставка по-прежнему ползет вверх, а это значит, что политика дешевых денег, декларируемая правительством, касается исключительно банковской сферы. Вся остальная экономика (в первую очередь, реальный сектор) по-прежнему живет в условиях дорогих денег. Тем самым, банковская система перестает эффективно выполнять одну из важнейших своих функций, а именно — перекачивать сбережения в инвестиции.

При этом нет никаких надежд на то, что банковская система одумается и облегчит доступ к деньгам для частных агентов, снижая коммерческую ставку процента. Ни на каком квазимонопольном рынке цена блага не зависит от издержек его производства, она определяется только тем, как проходит кривая спроса. Например, лекарственные препараты, произведенные в Германии, на внутреннем рынке этой страны стоят дороже, чем те же препараты в России, невзирая на транспортные издержки. Если цена нефти падает, то отсюда не вытекает, что должна упасть цена на бензин. Точно так же и на рынке денежных активов. Ставка рефинансирования — это издержки банковской системы, по которым ей достаются кредитные ресурсы, а коммерческая учетная ставка — это их продажная цена. Снижение издержек на создание блага *не приводит* к снижению цены его реализации: на рынке кредитов в точности такая же ситуация, что и на рынке бензина.

Прошло то счастливое время либерально-рыночных иллюзий, под влиянием которых Альфред Маршалл писал, что спрос и предложение в равной степени влияют на цену блага, подобно тому, как оба лезвия ножниц в равной степени режут бумагу или ткань. На квазимонопольных рынках влияние спроса и предложения на цену различно как по характеру, так и по степени этого влияния, оно несимметрично. В частности, квазимонополизация локальных рынков приводит к так называемому эффекту храповика: общий уровень цен оказывается легче поднять, чем снизить.

Суммируя обсуждаемые угрозы для современной экономики США, можно свести все их многообразие к трем наиболее часто упоминаемым катастрофическим последствиям, на возможность которых указывают эксперты.

1. Опасность длительной и масштабной рецессии (кейнсианский триллер).

2. Угроза высокой инфляции (либерально-монетаристский триллер): стимулирование совокупного спроса, по мнению сторонников либеральной доктрины, обернется инфляционным перегревом экономики.

3. Потеря позиций доллара в качестве мировой резервной валюты (триллер от ФРС, при помощи которого специалисты этого ведомства обосновывают дальнейшее снижение ставки рефинансирования, не достигающее цели и, по сути, демонстрирующее бессилие правительства перед вполне реальными угрозами).

Из трех перечисленных «страшилок» наиболее страшной является, конечно, угроза рецессии, спада физических объемов производства. Кризис способен обострить противоречия американской экономики и усугубить диспропорции, которых в ней уже сегодня достаточно много. В частности, обуздание инфляции в условиях уже начавшейся рецессии представляется трудно осуществимым, в отсутствии рецессии это сделать многократно легче.

Угроза инфляции сама по себе не столь серьезна, отчасти в силу того факта, что инфляция уже началась и развивается по мере роста коммерческой процентной ставки, приводящего к удорожанию кредитных ресурсов. В этих условиях опасения, что стимулирование совокупного спроса в США окажется дополнительным источником инфляции, не слишком обоснованны. Намного более опасны с точки зрения развертывания инфляционных процессов попытки нейтрализовать дефицит ликвидности при помощи наращивания предложения «не связываемых» денег, не сопровождаемого развитием инвестиционных программ. Накачивание экономики деньгами без реального стимулирования совокупного спроса таит в себе инфляционную опасность не только в США, но и в странах Европейского Союза и в России.

Что же касается угрозы утраты позиций доллара в качестве мировой резервной валюты, то уже сегодня большинство стран мира проводит диверсификацию валютных резервов, и этот процесс объективно вытекает из логики развития мирового хозяйства. Но до тех пор, пока американские транснациональные корпорации, которые играют ведущую роль в мировом товарообороте, сами не откажутся от доллара как основного платежного средства, серьезной утраты позиций в этой сфере доллар не испытает.

Когда же доллар начнет серьезно сдавать свои позиции в качестве международной расчетной единицы, это сразу станет заметно: при этом обнаружится еще одна или несколько валют, которые будут колебаться *синхронно* с долларом в противовес цене на энергоносители. Впервые такую динамику в течение длительного периода (двух недель) обнаружил евро в октябре 2009 года, затем все опять пошло своим чередом: курсы доллара и евро растут и падают попеременно, а не одновременно. Это значит, что евро пока еще не является серьезным конкурентом доллару в качестве посредника в международных расчетах.

3.4. Проблемы Европейского Союза

Проблемы, с которыми сталкивается (и в ближайшем будущем еще столкнется) экономика Европейского Союза, заслуживают отдельного обсуждения. Они хорошо иллюстрируются на модели равновесия (или, точнее говоря, *неравновесия*) открытой экономики. Это классическая модель Манделла — Флеминга, построенная в координатах Y (текущий реальный объем ВВП) и R (коммерческая ставка процента) и включающая взаимное перемещение кривых IS, LM и BP. Напомним, что каждая из этих трех кривых обеспечивает свой вид макроэкономического равновесия: кривая IS – равновесие реального сектора (в каждой точке этой кривой инвестиции равны сбережениям), кривая LM – рав-

новесие денежного рынка (в каждой точке этой кривой спрос и предложение денежных активов совпадают), кривая BP – равновесие платежного баланса (в каждой точке этой кривой платежный баланс нулевой).

С точки зрения учебников макроэкономики, идеалом равновесия считается пересечение всех трех кривых в одной точке. Однако в реальной жизни подобное совпадение встречается крайне редко, так что правительству большинства стран приходится в известном смысле делать выбор, достигается ли внутреннее макроэкономическое равновесие при дефиците или при излишке платежного баланса, иначе говоря – лежит ли точка пересечения кривых IS и LM выше или ниже кривой BP [16].

Если задать абстрактный вопрос: что лучше – дефицит платежного баланса или излишек, — большинство так называемых нормальных людей скажет: «конечно, излишек». Как ни странно, эти нормальные люди неправы, потому что достижение макроэкономического равновесия при излишке платежного баланса выбивает из рук правительства один из важнейших рычагов управления макросистемой, а именно – совокупный спрос. Лишаясь возможности управлять им, правительство ограничивает свободу для маневра и доступный ему перечень инструментов краткосрочного стимулирования прироста ВВП.

Ситуация вполне аналогична достижению так называемой полной занятости: и теоретики, и эксперты, и государственные чиновники наперебой утверждают, что это хорошо, но ни одно правительство на земле к этому на самом деле не стремится, потому что если полная занятость будет достигнута, макросистема окажется в состоянии исчерпанности ресурсов и правительство не сможет управлять совокупным спросом (см. пункт 1.1).

Практический опыт развития наиболее успешных стран (в годы их наиболее успешного роста) убеждает в том, что оптимальным является случай, когда «равновесная» кривая платежного баланса проходит несколько выше точки пересечения кривых равновесия товарного и денежного рынков, т.е. «внутреннее» равновесие в стране достигается при небольшом дефиците платежного баланса (точка E_0 на рис. 3.5).

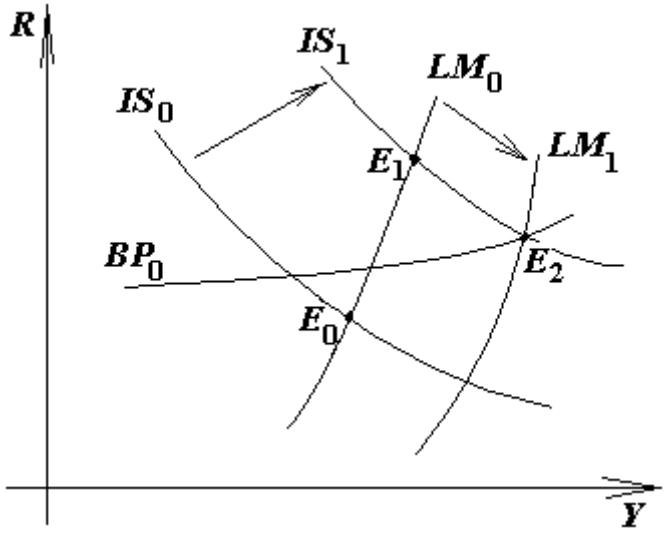

Рис. 3.5. Макроэкономическое равновесие в открытой экономике

Такое положение вещей благоприятно для сильных, развитых стран с плавающим валютным курсом и значительной открытостью экономики, предполагающей международную мобильность капитала. В этом случае применение «кейнсианских» мер стимулирования экономического роста, сдвигающее вправо кривую IS, и последующее «выравнивание» ставки процента, сдвигающее вниз кривую LM, позволяет достичь одновременного равновесия на трех рынках (точка E_2 на рис. 3.5). Однако дальнейшая задача правительства в этом случае заключается в том, чтобы вновь «приподнять» кривую BP над точкой «внутреннего» равновесия, что обеспечивает наличие в достигнутой точке равновесия небольшого дефицита платежного баланса и тем самым оставляет государственной власти известный простор для маневра. Таким образом, данная модель показывает циклическое

развитие соответствующих макросистем, однако эта цикличность обусловлена логикой макроэкономической политики правительства, а не стихийно складывающимися колебаниями экономической конъюнктуры. Обратим внимание на то, что в результате проведенных манипуляций процентная ставка колеблется, а текущий объем ВВП неуклонно растет, т.е. правительство достигает целей краткосрочного стимулирования экономического подъема.

Одним из примеров стран, практикующих именно такое соотношение кривых макроэкономического равновесия, являются Соединенные Штаты. Европейский Союз, взятый как единое целое, напротив, заметно проигрывает от того, что многие отдельно взятые страны, входящие в него, пытаются обеспечить профицит платежного баланса, «застревая» в точке E_1 на рис. 3.5. Попытки многих развитых и богатых стран-членов Евросоюза «перетянуть» одеяло на себя, вообще говоря, пагубно сказываются на судьбе организации в целом и осложняют достижение договоренностей по урегулированию состояния отдельных локальных рынков, развитие которых основывается на системе квот и взаимных противовесов.

Вообще, логика развития Евросоюза всегда была основана на том, что более развитые и более промышленные страны ЕС навязывают правила игры более аграрным странам. Но если раньше в роли проигравших были Греция и Португалия, то теперь в этой роли оказались Болгария, Венгрия, Литва и другие страны, экономика которых намного менее устойчива и менее готова пережить подобные шоки совокупного спроса.

Обратим внимание на то, что наиболее сильные страны, входящие в еврозону, исповедуют принцип солидарной ответственности в части денежной эмиссии, не обременяя себя выпуском национальных финансовых инструментов. Это логично, поскольку в создавшейся ситуации эмиссия евро служит инструментом обогащения этих стран, стоящих у руля распределения этой валюты, и ограбления менее развитых стран, входящих в зону евро.

Напомним, что современная денежная эмиссия имеет кредитную природу. Это значит, что любой частный агент, принимающий в уплату тот или иной финансовый инструмент, тем самым кредитует его эмитента, выражает доверие к факту ликвидности этого инструмента, его обратимости в определенные виды нефинансовых благ, либо к факту его доходности, его способности приносить прибыль владельцу. Принимая в уплату денежную единицу, частный агент несет такие же риски, связанные со снижением ликвидности и доходности данного актива, что и в случае принятия векселя, долгового обязательства, подписанного частным лицом.

Поэтому, если в условиях избытка ликвидности свободное хождение единой валюты способствует формированию единых частных рынков различных благ (например, рынка труда), то в условиях дефицита ликвидности при помощи обращения единой валюты страны-эмитенты «размазывают» свои макроэкономические риски по территории других стран, принимающих эту валюту в качестве легального платежного инструмента. Иначе говоря, вместе с этой валютой другие страны импортируют инфляцию, безработицу и прочие негативные эффекты. Например, в странах-эмитентах начинается рецессия, а страны, где обращается эта валюта, теряют рабочие места, и т.д.

Если бы развитые страны Европы не ставили перед собой цели закрепления финансового неравноправия стран-членов ЕС, они бы обеспечили национальную идентификацию финансовой ответственности: в Италии выпускали бы в обращение «берлуски», во Франции — «саркошки», в Германии — «мерки» и т.д., т.е. осуществляли бы эмиссию национально идентифицированных краткосрочных финансовых инструментов. Поскольку это не так, то речь идет об осознанной политике совместного ограбления более развитыми странами ЕС менее развитых. К этому процессу в течение 2009 года подключилась и Великобритания, фактически допустившая свободное обращение евро на своей территории, не отменяя при этом обращения фунта стерлингов.

В этих условиях менее развитым странам выгодно требовать национальной идентификации финансовых рисков и финансовой ответственности. В некоторых из этих стран (например, в Венгрии) закономерно возникают оппозиционные политические движения, одним из лозунгов которых становится выход из зоны евро или вообще из Евросоюза.

Кстати, именно развитые страны, олицетворяющие основную экономическую мощь Евросоюза, сообща добились от Греции эмиссии национально идентифицированных финансовых инструментов, когда речь зашла об ответственности по долгам правительства этой страны. В результате вся страна оказалась заложена, и нет больших сомнений в том, что она будет распродана иностранному капиталу, в первую очередь европейскому.

В то же время, в национальной экономической политике развитых стран Европы возможны серьезные расхождения, поскольку изначально одна из первых договоренностей, касающихся выхода из кризиса, заключалась в том, что каждое национальное правительство помогает только резидентам. Естественно, что этот принцип немедленно стал нарушаться – вначале втихомолку, а затем все громче, когда возникли проблемы асимметрии в распределении инвестиционных ресурсов. Если бы эти договоренности не были нарушены, то решение таких задач, как, например, стабилизация инвестиционного климата в Исландии, пришлось бы возложить на плечи «внешних» инвесторов, базирующихся за пределами ЕС. Напомним, что частный капитал ряда стран, не входящих в ЕС, проявил к решению подобных задач серьезный интерес. Потребовалось изобретение определенных институциональных механизмов, благодаря которым урегулирование проблем такого рода перестало считаться нарушением достигнутых ранее договоренностей.

Основная проблема при этом заключается в том, что Евросоюз все сильнее разделяется на «центр» и «периферию», причем центр не проявляет серьезной заинтересованности в развитии этой периферии. Наименее развитые страны ЕС сталкиваются с серьезными проблемами в развитии реального сектора экономики, они по-прежнему испытывают и будут испытывать дефицит инвестиционных ресурсов, а финансовая система, ключи от которой находятся в западноевропейских центрах принятия решений, отнюдь не намерена обеспечить их приток.

Таким образом, кризис обнаруживает очередной виток противоречий между странами ЕС, и поляризация стран внутри этого сообщества по уровню жизни и по уровню среднедушевого ВВП грозит достичь опасной черты. В среднесрочной перспективе ЕС ожидают серьезные проблемы, способные поставить под угрозу будущее этой организации в ее современных очертаниях.

Тот факт, что события развиваются именно по этому, наименее благоприятному сценарию, подтверждается стихийными выступлениями широких масс населения, произошедшими в январе 2009 года в Латвии и Литве. Осенью 2008 года, когда кризис только начал разгораться, в латвийском сейме раздались высказывания о том, что нужно попросить Швецию напасть на Латвию и оккупировать ее. В том, что в этой шутке содержится изрядная доля правды, убеждает дальнейший ход событий, показавший, что правительства ряда стран-членов ЕС проводят политику, последовательно направленную на утрату государственного суверенитета.

Президент Чехии Вацлав Клаус справедливо заметил, что Европейский Союз постепенно превращается в тоталитарную организацию: членство в ней оборачивается угрозой национальному суверенитету вступающих в нее стран, причем соглашения, достигнутые в рамках ЕС, нередко нарушают конституции этих стран [37].

Эта мысль, конечно, правильная, но несколько запоздалая. В вопросе о размещении производительных сил Евросоюз давно превратился в тоталитарную организацию. Утрата государственного суверенитета начинается еще на дальних подступах к ЕС, на стадии подписания протокола о намерениях, когда вступающим странам диктуют, какова должна быть отраслевая структура их экономики, ликвидируя производства, в существовании которых Евросоюз не видит необходимости. Эта «политика бульдозера», который сравнивает с землей значительную часть национальной экономики, была успешно апробирована в

Восточных землях Германии (территория бывшей ГДР), которые были лишены источников самостоятельного развития. Позже аналогичные меры были применены к Болгарии и Румынии (эти страны, напомним, испытали двукратный рецессионный шок, при помощи которого их правительства были стимулированы к проведению масштабной приватизации), еще позднее – к странам Прибалтики.

Такое разделение Евросоюза на центр и периферию приводит к фрагментации отдельных рынков. Взамен единого европейского рынка на территории «единой» Европы возникают скандинавский, балканский, средиземноморский, восточноевропейский и т.д. Подобная попытка натурализации хозяйственной жизни отдельных европейских регионов является не просто ответом на кризисные реальности, но еще и способом защиты своих интересов перед лицом надвигающихся макроэкономических угроз со стороны более сильных соседей, проводящих экспансионистскую бюджетную политику и запрещающих это делать другим.

3.5. Специфика России: угрозы и возможности

Как известно, экономическая рецессия — это не вирус, ею нельзя заразиться. Если кризис распространяется от одной страны к другой, это значит, что его распространение имеет определенные причины. Я менее всего склонен усматривать в этом результат осознанных действий определенной группы людей (в частности, финансовых игроков), пытающихся вызвать экономические проблемы на территории целого ряда стран.

Для того, чтобы рецессия волнами расходилась по мировому хозяйству, достаточно, чтобы она началась в одной крупной стране, выступающей стабильным нетто-импортером. В этой роли выступили Соединенные Штаты. Шок совокупного спроса, вызванный кризисом, привел к аналогичным шокам в странах, поставляющих реальные блага на внутренний рынок США. По цепочке кризисные явления быстро добрались до стран, являющихся нетто-экспортерами, в том числе и до ряда развивающихся стран (ЮАР, Индонезия, страны ОПЕК).

В России своеобразие макроэкономической ситуации отражается и на формах проявления кризиса, и на логике поиска возможных путей его преодоления. Многие кризисные явления носят скрытый, латентный характер, что затрудняет обнаружение причин развертывания кризисных явлений и, соответственно, поиск инструментов, призванных нейтрализовать действие этих причин.

В качестве примера заметим, что за три последних месяца 2008 года в США потеряли работу более полумиллиона человек, и за достоверность этих данных в известной мере можно поручиться. Аналогичной цифры по России мы, вероятно, не узнаем никогда, поскольку в нашей стране от 12 до 15% занятых (только по основному месту работы!) работают по устной договоренности с работодателем, без заключения формального контракта. Широко разветвленная система неформальных институтов затрудняет статистические оценки масштабов развития кризисных явлений в экономике.

В России имеют место две проблемы, осложняющие выход из кризиса. Первая проблема – это карликовый (по мировым масштабам) банковский сектор. Если сложить все активы банков, действующих на территории России, мы получим величину, составляющую примерно 90% объема годового выбытия основного капитала в стране. В Германии, где крупных транснациональных компаний не так уж много, это соотношение составляет примерно 170%. Таким образом, возможности нашего банковского сектора финансировать даже простое обновление основных фондов весьма ограничены. Понятно, что это финансирование происходит не за счет банковских активов как таковых, однако задачи развития реального сектора страны, стоящей на пороге масштабной технологической модернизации, требуют слаженных действий банковского сектора и серьезных объемов инвестиций, чего наша раздробленная банковская система пока обеспечить не в состоянии.

Пожалуй, одним из возможных путей решения этой проблемы является насильственное укрупнение банковского сектора, которое должно быть в известной мере аналогично реформам Рузвельта в США. Выход из положения следует искать не на пути банкротства слабых банковских учреждений, а на пути их слияния с более сильными и способными проводить национально ориентированную кредитно-финансовую политику.

Вторая проблема заключается в том, что наша страна неоднородна как по уровню экономического развития, так и по характеру экономической динамики. Некоторая часть российских регионов (например, г. Москва) испытывает рецессионный разрыв, другая часть (например, Ульяновская область) пребывает в состоянии инфляционного разрыва. В этом заключается основная причина того факта, что одни и те же решения, принимаемые на федеральном уровне, улучшают экономическое положение одних регионов страны и ухудшают динамику других [17, 25]. Налицо расхождение траекторий экономической динамики, при котором более сильные, развитые регионы упрочивают свое положение, а более слабые теряют и те немногочисленные ресурсы для развития, которые еще оставались в их распоряжении (см. также пункт 1.4).

Основная трудность заключается в том, что *именно те самые* факторы, которые выступают движущими силами развития одних регионов, тормозят развитие других. Например, стимулирование совокупного спроса является локомотивом развития регионов, находящихся в состоянии рецессионного разрыва, но пагубно отражается на динамике регионов, испытывающих инфляционный разрыв.

Естественно поэтому, что и пути выхода из кризиса, и механизмы технологической модернизации эти регионы представляют себе в корне различным образом. Да и во время кризиса 90-х годов в нашей стране к разным регионам применялась совершенно различная политика стабилизации: для подавляющей части территории страны – «шоковая терапия», основанная на жестком сжатии объемов денежной массы, искусственно вызванном кризисе неплатежей и, соответственно, политике дорогих денег, а для отдельно взятого города Москвы – кейнсианские меры стимулирования экономического роста, основанные на накачивании региона денежной массой и на создании эффективного спроса. Стоит ли и говорить о том, что для этого отдельно взятого региона кейнсианская экономическая политика блестяще доказала свою эффективность [14].

На сегодняшний день существует опасность повторения политики искусственного сжатия объемов денежной массы. В конце концов, дефицит ликвидности при коэффициенте монетизации экономики в 40%, как в России (это отношение денежной массы М2 к реальному ВВП), — это нечто иное, чем дефицит ликвидности при коэффициенте монетизации свыше 100%, как в США и еврозоне, или свыше 150%, как в Японии и Китае. Реакция этих экономических систем на стимулирование совокупного спроса будет немного различной. Низкий коэффициент монетизации, помимо того, что указывает на дефицитность денег, порождающую всплески инфляции, оказывает дестимулирующее воздействие на экономический рост, вызывая стагнацию в фазе подъема и усугубляя рецессию в фазе кризиса.

Однако простое накачивание экономики деньгами не является хорошим выходом из положения. Сама по себе эмиссия еще не стимулирует экономический подъем. Решение проблемы выхода из кризиса для России заключается не в денежной эмиссии как таковой, а в развитии федеральных инвестиционных программ, имеющих выраженную региональную направленность.

Снижение ставки рефинансирования – это тупиковый путь для любой страны, но для России это еще и губительный шаг, усиливающий поляризацию экономического пространства. В нашей стране осенью 2008 года была попытка снизить ставку рефинансирования, но, к счастью, правительство вовремя (в течение 2-3 дней) одумалось и не пошло по этому пути. Проблема преодоления кризиса заключается вовсе не в том, чтобы денег в стране было много, а в том, чтобы они шли по назначению, т.е. в реальный сектор экономики, вызывали мультипликационные эффекты и работали на решение задач экономиче-

ского роста, а не оседали на финансовых рынках. В то же время, в течение второй половины 2008 года и всего 2009 года приливы денежной массы, эмитируемой Центробанком, приблизительно с недельным лагом вызывали всплески активности коммерческих банков на валютных рынках, приводивших к укреплению доллара и к ослаблению рубля.

При этом инвестиции в реальный сектор не обязательно должны поступать через существующую в нашей стране банковскую систему в ее нынешних очертаниях. Более того, можно утверждать, что сложившаяся в нашей стране система финансово-банковских институтов мало пригодна для решения этой задачи.

Существуют различные выходы из создавшегося положения. Вкратце обозначим некоторые из них.

1. Создать независимую сеть государственных банковских учреждений, достаточно разветвленную для того, чтобы проходящие через нее производственные инвестиции достигали каждого уголка страны. В Китае для решения аналогичной задачи были созданы четыре стратегических (или *политических*, как иногда переводят это слово) банка, предназначенных для финансирования и кредитования долгосрочных и масштабных проектов, реализация которых не предполагает быстрой окупаемости.

2. Создать сеть институциональных инвесторов (например, инвестиционных фондов), подконтрольных федеральному центру и напрямую кредитуемых Центробанком, для осуществления целевых инвестиционных программ на территории всей страны. Решения, принятые в течение 2009 и даже 2010 года правительствами США и ряда стран Западной Европы, позволяют утверждать, что в этих странах был частично избран именно этот путь инвестирования реального сектора, во всяком случае, в той его части, которая касается малого бизнеса и социально ориентированных программ.

3. Укрупнить и национализировать часть существующего банковского сектора и сделать эту национализированную часть проводником государственной инвестиционной политики. Эта логика в известной степени копирует соответствующую часть так называемого плана Рузвельта, позволившего в исторически сжатые сроки вытащить из трясины экономику США.

4. Стимулировать крупнейшие коммерческие банки, уже имеющие разветвленную сеть филиалов (например, Сбербанк), к реализации инвестиционной политики государства. Однако реализация этой меры предполагает необходимость, во-первых, добиться более высокой степени прозрачности текущих операций этих учреждений для правительства и, во-вторых, усилить государственный контроль за их текущей деятельностью.

Разумеется, предлагаемые меры институционального характера не принесут реальных результатов сами по себе, в отрыве от инвестиционной политики правительства. Они являются лишь необходимым подготовительным этапом, призванным обеспечить проведение в жизнь федеральных целевых инвестиционных программ, которые должны быть разработаны правительством с учетом весьма непростых проблем регионального характера, о которых уже говорилось.

Иначе говоря, вначале должна быть разработана федеральная инвестиционная программа, учитывающая различные аспекты долгосрочной конкурентоспособности национальной экономики. Затем должны быть проработаны институциональные каналы, по которым деньги поступят в реальный сектор для реализации этой программы. Лишь затем деньги должны направляться на условиях целевых и адресных кредитов и субсидий. В данный момент в российской экономике все обстоит наоборот: деньги уже активно пошли в банковскую систему, механизмы передачи их в реальный сектор еще не созданы, а о разработке федеральной инвестиционной программы пока что нет и речи. Между тем, именно этот пункт антикризисного плана является критически важным.

Заметим, что в силу отмеченных обстоятельств Центробанк должен отдавать деньги коммерческим банкам не просто так (как это происходит сегодня), а на условиях так называемого фидуциарного договора, обязывающего банки осуществлять финансирование реального сектора и тем самым обеспечивать реализацию государственных инвести-

ционных программ. Слово «фидуцио» в переводе с латыни означает «доверие», т.е. и правительство, и коммерческие банки, и предприятия реального сектора отлично знают, что деньги, которыми наводняется система обращения, никогда и ничем обеспечены не будут, они необходимы лишь для того, чтобы каналы обращения были наполнены, чтобы они не заржавели, как это было в середине 90-х годов, когда именно действия правительства вызвали кризис неплатежей, болезненно ударивший по интересам частных агентов. Пусть кредиты банкам будут не на 100% фидуциарны, а, скажем, на 80%, но так или иначе необходимо установить ответственность коммерческих банков за расходование средств, которые они получили. Необходимо обеспечить участие банков в инвестиционных программах, без этого экономика не поднимется. Именно эти «фидуциарные» деньги, которые должны доставаться банкам под определенные инвестиционные обязательства, должны стать гарантией того, что инвестиционные процессы в стране не затухнут.

Вместо этого пока что мы видим беспомощное накачивание деньгами банковской сферы, которая использует эти деньги не для инвестирования реального сектора отечественной экономики, а преимущественно для скупки иностранной валюты, что, естественно, повышает ее курс, ослабляя российский рубль. Иными словами, банковская система готовится к тому, что предприятия реального сектора скоро встанут перед необходимостью погашения внешнего долга, так что банки будут обогащаться постольку, поскольку будут беднеть и разоряться агенты реального сектора, как это уже было в России в середине 90-х годов, в период искусственно вызванного правительством кризиса неплатежей. В этом смысле банковские учреждения, накапливая долларовую массу, ведут себя достаточно рационально: они помогут предприятиям рассчитаться по внешним долгам, взамен рассчитывая прибрать к рукам их реальные активы.

Заметим, что именно сейчас для России ослабление рубля опасно, поскольку у нас огромный *частный* внешний долг (он превысил 600 млрд. долл.), львиная доля которого номинирована в иностранных валютах. Поэтому низкий курс рубля уменьшает шансы фирм-должников, производство которых ориентировано в основном на внутренний рынок, вовремя расплатиться по внешнему долгу.

В связи с этим необходимо предпринимать систематические усилия по удержанию мировых цен на нефть на стабильно высоком уровне. В те периоды, когда она стоит дешевле 70-80 долларов за баррель, наше правительство позволяет банковской системе последовательно снижать курс рубля для того, чтобы поддержать экспортеров, дать им возможность заработать. Других причин для поддержания стабильно высокого курса доллара в российской экономике нет. Нужно сделать так, чтобы и эта причина отпала сама собой.

Проблема возврата долгов, нависшая над нашей экономикой, способна надолго «заморозить» деловую активность на целом ряде локальных рынков, которые пока что считаются весьма надежными и обеспечивают основную долю поступлений в госбюджет. По-видимому, институциональное разделение «коротких» и «длинных» рисков (как это сделано, например, в Китае) позволило бы банковскому сектору обрести некоторую способность амортизировать грядущие потрясения мировых финансовых рынков.

Необходимость расплатиться по долгам с иностранными кредиторами, хотя и частично компенсируется возможностью предоставления отсрочек, рано или поздно потребует принятия важных институциональных решений в этой области. Ситуация может развиваться согласно одному из трех основных сценариев.

Сценарий № 1. Государственная власть самоустраняется от этой проблемы, и обремененные долгами активы крупнейших российских предприятий уходят с молотка за рубеж. Именно этот сценарий держат на уме западные бизнесмены, громко кричащие об опасности очередного огосударствления российской экономики, которое неминуемо наступит, если правительство решит всерьез вмешаться в этот процесс.

Сценарий № 2. Государство стимулирует частные российские банки к выкупу проблемных активов у фирм-должников. При этом возникает опасность другого рода. Довольно рискованна с макроэкономической точки зрения ситуация, когда банки оказыва-

ются крупными совладельцами предприятий, которые их учредили. Это показал, например, опыт Чехии начала 90-х годов. В случае, когда большая часть агентов все же окажется неспособной погасить долги, проблема задолженности по цепочке достаточно быстро охватит значительную часть экономики страны. Задача правительства в том, чтобы не допустить реализации подобного сценария.

Сценарий № 3. Частные внешние долги погашает государство, увеличивая свою долю в капитале частных фирм. Эта ситуация более устойчива и менее опасна. При этом за правительством всегда остается возможность реприватизации, если окажется, что возрастание доли государства в акционерно контролируемых корпорациях снижает эффективность текущего управления производством.

Однако здесь есть опасность проявления оппортунизма со стороны фирм-должников по отношению к государству, приходящему им на помощь. Некоторая часть внешних долгов российских предприятий является фиктивной: на самом деле это долги специально созданным для такого кредитования фирмам, зарегистрированным, как правило, в оффшорных зонах и фактически принадлежащим тем же хозяевам, что и кредитуемая компания. Напомним, что в 2008 году 69% всех иностранных инвестиций в Россию пришли именно из оффшорных зон.

Таким образом, государство рискует тем, что выкупит за солидную сумму дочерние фирмы крупных корпораций, давно обескровленные их владельцами и по сути представляющие собой неликвиды на рынке капитала. У частных корпораций существует возможность обмануть государство и нажиться за счет налогоплательщиков, которых, тем самым, заставят заплатить за новые угрозы современного мирового кризиса, возможно, мнимые.

Забавно, что многочисленные радетели об общественном благосостоянии, утверждающие неизбежность реализации сценария № 3, не видят этой очевидной угрозы, тогда как именно ее наличие (а вовсе не природная пассивность и неповоротливость) побуждает правительство занимать не слишком активную позицию в деле урегулирования проблемы частного внешнего долга. Если все же будет принято глобальное решение идти третьим путем (а этот сценарий весьма вероятен), то его реализация потребует от правительства создания довольно тонких институциональных инструментов, позволяющих отличить «истинные» долги от «мнимых», а главное — пригодные к употреблению активы, обремененные долгами, от обычных неликвидов. Последовательно провести в жизнь реализацию государственных интересов в данной сфере — весьма сложная задача, особенно с учетом проблемы коррупции, распространенной среди представителей госаппарата.

Проблема дефицита ликвидности и логика ее преодоления поставили перед правительствами разных стран мира жесткую дилемму: сделать акцент на наводнение каналов обращения денежной массой или на инвестиционную политику. Большинство (практически все, за исключением правительства Китая) ответило на эту дилемму в пользу первого варианта: пытаясь преодолеть собственно дефицит ликвидности, правительства забывают о том, что это преодоление — не самоцель. Истинная цель антикризисной политики заключается не в том, чтобы денег в стране (или в мире) было много, а в том, чтобы их обращение через инвестиционные процессы, через включение мультипликационных эффектов стимулировало рост производства.

В этих условиях правительство до недавнего времени сохраняло относительный контроль над развитием банковского сектора во многом благодаря тому, что ставка рефинансирования в нашей стране не опускалась до безобразно низких пределов (как в США и Евросоюзе), а догоняла prime rate. По возвращении с Давосского форума в январе 2009 года В.В.Путин твердо заявил, что в России не ожидается снижение ставки рефинансирования, поскольку правительство намерено и впредь придерживаться избранной логики антиинфляционной политики. Хотя лично для меня антиинфляционная ценность этой логики сомнительна (уровень инфляции все-таки зависит не от ставки рефинансирования, а от величины *коммерческой* ставки процента), но, во всяком случае, правительство удержива-

ло под некоторым контролем доходы банковской сферы, не становясь заложником ее интересов, как это произошло во многих развитых странах.

В начале 2009 года ставка рефинансирования составляла 13%, что не так уж много с учетом двузначных темпов инфляции, которые превысили ставку рефинансирования. Однако в конце апреля 2009 года банковскому сектору удалось пролоббировать снижение ставки рефинансирования до 12,5%, а в середине мая она составила уже 12% и далее в течение 2009 года снижалась еще 10 раз.

Этот факт свидетельствует о двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, не случаен момент, когда этого удалось добиться: после того, как было официально объявлено, что ВВП в первом квартале 2009 года оказался на 9,5% меньше ВВП первого квартала 2008 года, правительство предприняло соответствующий шаг, пытаясь вызвать оживление банковской деятельности и за счет этого замедлить спад ВВП. Однако нужен ли России прирост ВВП, основная часть которого достигнута за счет финансово-торговых операций, — это большой вопрос. К тому же этот шаг, приводящий к приросту ВВП в краткосрочном периоде, в среднесрочной перспективе усугубляет стагнацию производственных отраслей, поскольку увеличивает возможности банковского сектора наращивать прибыль, минуя кредитование и финансирование реального сектора. Тем самым (и это во-вторых), предпринятые меры, направленные на снижение ставки рефинансирования, по своей сути ошибочны и свидетельствуют об отсутствии у правительства внятной программы действий и о подверженности его решений текущим обстоятельствам без учета долгосрочных интересов экономического развития.

Суммируя проблемы, с которыми столкнулась отечественная экономика, можно утверждать, что сроки выхода из кризиса и возвращения на траекторию устойчивого роста всецело зависят от действий правительства, от своевременности и правильности принимаемых мер. Впрочем, этот момент является не специфической чертой российской экономики, а общим фактом, характеризующим текущее состояние большинства национальных экономик.

3.6. Архитектура глобальной экономики: основные уроки и выводы

Когда в 2008 году в мировом хозяйстве разразился экономический кризис, эксперты поспешили объявить его финансовым, молчаливо подразумевая, что основные его проявления сосредотачиваются в финансовой сфере. Дальнейший ход событий показал, что эта точка зрения не вполне верна: как истоки кризиса, так и основное его воздействие на мировую динамику лежат вне финансовой сферы. Как говорил Козьма Прутков, щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом. Если в роли кобылы рассматривать мировую экономику, то финансовые рынки – это и есть тот хвост, которым она махнула.

Сегодня, когда правительства ряда стран объявили об окончании экономического кризиса, необходимо задуматься о том, с какими итогами подойдет к окончанию этого кризиса весь мир и, в частности, Россия, а также о том, чем посткризисный вариант глобальной экономики будет существенно отличаться от своего «докризисного» издания.

Прежде всего заметим, что для глобального оптимизма правительств развитых стран нет разумных оснований. Тот факт, что биржевые индексы в основном демонстрируют рост, еще не свидетельствует о преодолении кризисных тенденций в реальном секторе. Как известно, «роста на ожиданиях» в реальной экономике в целом быть не может, этот рост всегда вызван вовлечением хозяйственных ресурсов и приращением инвестиций, чего в современной экономике развитого мира в целом не наблюдается. В то время, как на одних рынках (в основном, финансово-торговых) наблюдается некоторое оживление, позволяющее правительствам жонглировать данными о приросте ВВП, большинство реальных отраслей по прежнему продолжает падение или, в крайнем случае, вползло в депрессию, выбраться из которой не так уж просто.

Эксперты Федеральной резервной системы в отчете, озвученном в начале 2011 года, призывают правительства пока что не ослаблять мер антикризисного характера, направленных на стимулирование развития производства. Современные реальности мирового хозяйства – это реальности антикризисной макроэкономической политики, так что о посткризисных явлениях, о преодолении кризиса говорить пока рано, хотя задуматься о них следует уже сегодня.

Если вдуматься, нетрудно понять исходную причину столь пессимистического поведения реального сектора. Коренные причины мирового кризиса имеют технико-экономическую природу, они вызваны необходимостью коренной смены технологических укладов и обновления производственных процессов [4, 29].

Не случайно некоторые специалисты утверждают, что теория длинных волн Н.Д. Кондратьева (так называемых больших циклов конъюнктуры, длящихся по 50-55 лет) позволила и предсказать случившийся кризис, и в какой-то степени объяснить его природу [30]. В самом деле, с середины 50-х годов ведет отсчет внедрение элементов нового технологического уклада, связанного с серьезными успехами в компьютеризации производственных процессов и с промышленным освоением атомной энергии. В свое время этот сдвиг был назван началом научно-технической революции. Согласно расчетам экспертов в области технологического прогнозирования, середина 50-х годов ознаменовала старт очередной восходящей волны (или, если угодно, «дно» очередного кондратьевского цикла) [40]. Отсчитаем от этого срока 50-55 лет — получаем 2005-2010 годы. Именно в этот период многие страны столкнулись с необходимостью радикальной модернизации производства. Поэтому обычный промышленный кризис, порожденный рецессионным разрывом, заметно усиливается и обнажает системные противоречия, связанные не просто с обновлением основного капитала, а с необходимостью перехода к новому технологическому укладу и даже способу производства, с заменой индустриальных технологий информационными.

Статистические данные легко позволяют выявить факт технологического насыщения экономических систем развитых стран и необходимость коренных технологических сдвигов, вызванных моральным износом основного капитала. Для этого достаточно сопоставить динамику рядов реального ВВП и темпов его роста. Подавляющее большинство стран с уровнем экономического развития выше среднего демонстрирует отчетливую отрицательную корреляцию между этими рядами в течение последних 12-15 лет: чем выше уровень ВВП, тем медленнее его рост. Этот факт свидетельствует о технологическом насыщении, об убывающей производительности капитала, о том, что макросистема стоит на пороге масштабной технологической модернизации. Таким образом, можно предполагать, что разные страны будут преодолевать кризисные явления в экономике *по мере решения* этой непростой глобальной проблемы.

Следовательно, до тех пор, пока этот переход не завершен, говорить о преодолении кризисных явлений в экономике развитых стран рановато. Временные и локальные оживления финансовых рынков, выступающие предвестниками окончания депрессии, сами по себе не доказывают, что кризис уже остановлен. Они выступают лишь краткосрочной реакцией макросистемы на разогрев совокупного спроса, к изменениям которого наиболее чувствительны биржевые индексы (см. пункт 2.3).

Основные выводы с точки зрения тенденций и перспектив развития мирового хозяйства заключаются в следующем.

1. Прощание с иллюзиями либерализма

Период экономического кризиса является хорошей проверкой на жизнеспособность ряда экономических доктрин. Один из важных уроков этого кризиса заключается в том, что либеральная модель управления экономикой обнаружила полное банкротство и практическую несостоятельность. Мировой кризис не просто создал предпосылку для глобальной ревизии целей и инструментов экономической политики. Мы являемся свиде-

телями заката целой эпохи — *эпохи либерализма* в экономической политике современного государства [26, 27].

Этот закат объективно обусловлен и необратим, он связан именно с глобальными технологическими сдвигами, происходящими в мировой экономике. Чем большую долю ВВП составляют информационные продукты, чем более интенсивно воздействие на макродинамику внешних эффектов по сравнению с прямыми коммерческими эффектами, тем меньше шансов, что механизмы саморегуляции приведут систему локальных рынков в равновесие. Изобилие внешних эффектов приводит к тому, что агенты на локальных рынках получают искаженные ценовые и прочие рыночные сигналы и просто не в состоянии на них адекватно отреагировать. Следовательно, на наших глазах тает надежда на то, что «невидимые» руки и прочие части тела способны эффективно выполнять функции стабилизаторов макроэкономических систем.

Ясно, что поначалу «видимая» рука государства тоже будет давать сбои. Во многих странах мы столкнемся с так называемыми «провалами государства», когда именно из-за вмешательства правительства будет трудно сбалансировать локальный рынок. Например, помогая науке, можно раздавать деньги всем подряд, не отличая новатора от прожектера. Такие перегибы, безусловно, будут. Но это не причина, чтобы снова вернуться к «автопилоту», отказаться от «ручного» управления. Сегодня, в период становления эпохи господства информационных технологий, для либеральных инструментов регулирования не остается места: макросистемы просто перестают их слушаться.

Одним из примеров такого рода является снижение ставки рефинансирования эмиссионными банками в слабой надежде, что вместе с ней удастся опустить и коммерческую ставку процента. По причинам, которые мы обсуждали выше, это сделать ни в одной стране мира не удалось, и не нужно быть пророком, чтобы уверенно утверждать, что это не удастся и впредь. В некоторых странах коммерческая учетная ставка впоследствии слегка понизилась, что было вызвано совершенно иными причинами, связанными со спросом на заемные средства, а не с динамикой ставки рефинансирования.

Новая логика государственного регулирования экономики потребует коренных перемен в отношении к макроэкономическому планированию. Странам, стоящим на пороге модернизации, необходима разработка национальных инвестиционных программ, которые позволили бы аккумулировать инвестиционные ресурсы на ключевых направлениях технического развития и обеспечить модернизационный сдвиг. Реализация этих программ неизбежно потребует не только наличия системы среднесрочного (4-5-летнего) планирования макроэкономических систем, но и формирования системы долгосрочного программирования и прогнозирования. Если основу экономики составляют информационные технологии, а срок их жизненного цикла равен 50-55 годам, то правительству (так же, как и частным агентам) необходимо научиться видеть вперед хотя бы на половину этого срока, в противном случае сама постановка вопроса о последствиях принимаемых инвестиционных решений, о сравнительной эффективности различных вариантов инвестиций лишается разумной опоры.

Ответом на это требование времени (в значительной мере стихийным) становится разработка долгосрочных макроэкономических программ и прогнозов в целом ряде развитых и быстро развивающихся стран. Необходимо поставить это прогнозирование на должный уровень, подразумевая при этом не только надлежащее качество прогнозов, но и систематический характер усилий в данной области. На сегодняшний день исследования в этой сфере чаще носят спорадический и во многом экспериментальный характер, заметно отставая от потребностей хозяйственной практики.

2. Многополярность грядущего мира

Рецессионный разрыв в экономике США, завершившийся в конце концов рецессией, обнажил несостоятельность пошатнувшихся претензий этой страны на мировое финансовое господство. Постепенное падение национальной конкурентоспособности экономики, которая долгое время поддерживается чисто монетарными мерами, носящими крат-

косрочный характер (например, сравнительно легкая доступность американского доллара для нерезидентов), привело к закономерному сочетанию внутреннего макроэкономического неравновесия и устойчивого дефицита торгового и платежного балансов. В результате под угрозой оказалась именно та уникальная роль доллара в мировой финансовой системе, на которой в течение десятилетий были основаны механизмы финансирования бюджетного дефицита США и логика мирового финансового цикла, неизменно приносившая американской экономике финансовую ренту [15].

Некоторые исследователи объясняют «экономическое чудо», имевшее место в ряде азиатских стран, именно формированием «кредитного пузыря», вызванного быстрым притоком иностранного капитала, повлекшим за собой ускоренное кредитование и рост инвестиций [7]. За этим ростом неминуемо следовал отток капитала, вызывающий ценовой обвал и спад физических объемов производства. Дальнейшее повторение этого цикла становится (по крайней мере, в ближайшее время) невозможным, поскольку «долларовый» стандарт, на котором базировались механизмы надувания подобных пузырей, уступает место иным принципам и очертаниям мировой финансовой системы.

В течение первых кризисных лет в разных странах многократно высказывались предложения, реализация которых позволила бы ограничить долларовую доминанту в международных расчетах. При том, что доллар является в последнее время весьма нестабильной валютой, реализация любых альтернативных вариантов потребует от соответствующего эмиссионного банка готовности идти на риск высокой инфляции, в том случае, если альтернативная расчетная валюта все же окажется недостаточно востребованной и предложение денег, выпущенных им в обращение, заметно превысит спрос на них.

Мировое хозяйство находится на пороге глобальных институциональных сдвигов. Существующая ныне Ямайская валютная система, закрепившая мировое господство американского доллара, рушится на наших глазах, и усилия основных игроков на глобальных финансовых рынках направляются на формирование институтов, которые были бы адекватны новым реальностям многополярного финансового мира.

Проблема не в том, хорош или плох однополярный финансовый мир. Его можно превозносить или бранить, но то и другое одинаково бессмысленно, потому что его больше не существует. Проблема в том, что однополярный мир рухнул и уже никогда не вернется. На смену иерархической структуре, в которой все «ветви» растут из одного «ствола», должна прийти сетевая, в которой разные узлы сети способны попеременно подниматься и опускаться, меняя свою роль и значимость как в системе мирового платежно-финансового оборота, так и в системе обслуживания и гарантирования инвестиций.

В последние полвека институциональная архитектура мировой экономики была «заточена» под реальности однополярного финансового мира и направлена на обслуживание господствующей роли американского доллара в валютной системе. В этом смысле Международный валютный фонд блестяще выполнил роль цепной собаки, которую можно было вовремя спустить с цепи, когда этого захочет хозяин, а можно было снова посадить на поводок. Сегодня роль этой организации и всей «вашингтонской шестерки» (шестерки в любом смысле этого слова), естественно, резко снижается. Хотя в решениях последних саммитов стран G8 записано, что нужно укреплять роль международных финансовых институтов, логика развития мирового хозяйства уже слабо зависит от того, что думает по этому поводу Международный валютный фонд. Реальное будущее МВФ (следует ли реформировать эту организацию или проще от нее отказаться, возложив часть выполняемых ею функций на другие институты) определится в ближайшие 5-6 лет, в течение которых прояснятся очертания нового финансового порядка и будет сформирована институциональная структура мировой экономики.

Коренные изменения глобальной архитектуры современного мирового хозяйства в конечном счете приведут к становлению иных очертаний институциональной среды, в некотором смысле более справедливых и дающих больше возможностей для развития странам, правительства которых направляют усилия на достижение мировой конкурентоспо-

собности национальной экономики в долгосрочной перспективе. Мир становится гораздо более многополярным, чем мы можем себе представить.

3. Институциональные сдвиги мировой финансовой архитектуры

В сложившихся условиях можно услышать самые разные предложения по выходу из кризиса, по переустройству глобальной финансовой системы. Обращают на себя внимание две крайности — попытка вернуться назад, к системе золотого стандарта, и попытка забежать далеко вперед, предложив единую мировую валюту, которая стала бы законным платежным средством на территории всего Земного шара.

Сразу скажем, что эпоха золотых якорей, к которым можно привязывать курс валюты или объем эмиссии долговых обязательств государства (включая объем денежной массы), ушла безвозвратно и уже никогда не вернется. С тех пор, как основная масса бывших колоний в середине 60-х годов обрела формальную независимость и мировые каналы денежного обращения были наводнены низколиквидными денежными агрегатами, которые стали инструментом ограбления молодых независимых стран, крушение золотого стандарта стало неотвратимым. Собственно, эта неотвратимость и воплотилась в крахе Бреттон-Вудской системы, когда американский доллар – последним из мировых валют – утратил связь с золотым обеспечением.

Не случайно многие эксперты, призывающие вернуться к золотым стандартам, сопровождают свои рекомендации требованием запретить или существенно ограничить обращение деривативов и низколиквидных платежных инструментов. Но и эта рекомендация в современных финансовых условиях непригодна, она характеризует экономическую политику юрского периода (Jurassic Park economic policy).

В период развертывания мирового кризиса некоторые специалисты поспешили обвинить в его развертывании бесконтрольное обращение заведомо спекулятивных финансовых инструментов, прежде всего деривативов, связанных с куплей-продажей энергоносителей. Действительно, спекулятивный бум на рынке производных ценных бумаг приводит к удорожанию реальных благ, обращение которых они опосредуют.

Цена нефти, как и на любом квазимонопольном рынке, определяется спросом на нефть при данном уровне ее добычи. Но цена деривативов (финансовых инструментов), обеспечивающих ее реализацию, определяется спросом на эти деривативы. В то же время, вздувание цен на финансовые инструменты затрудняет покупку самой нефти, увеличивая трансакционные издержки. Получается, что спекулятивный бум вокруг производных финансовых инструментов приводит к удорожанию нефти, хотя спрос на саму нефть при этом не возрастает. Вот почему рынок деривативов часто обвиняют в развертывании инфляции, а следовательно – в наступлении (или, во всяком случае, в углублении) рецессионного разрыва, в приближении рецессии, экономического спада.

Действительно, предположим, что в исходный момент времени экономика находилась в равновесии: AS = AD и общий уровень цен зафиксировался на равновесном уровне P_0 (точка E_0 на рис. 3.6). Подогрев спекулятивного спроса вызывает инфляцию спроса, и общий уровень цен смещается вверх, в направлении, указанном стрелкой на рис. 3.6, переходя от уровня P_0 к уровню P_1. Тем самым, макросистема живет уже в условиях рецессионного разрыва, чреватого экономическим кризисом [32, 35].

В том, что на рынках деривативов, связанных с энергоносителями, имеют место спекулятивные тенденции, свидетельствует неумолимая статистика: в мировой экономике реальными поставками нефти завершается только 7% договоров, которые подписываются на мировых биржах [13]. Поэтому эксперты, обвиняющие рынки деривативов в развертывании кризиса, не столь уж неправы: этот рынок, хотя и имеет вторичную, отраженную природу, во многом провоцирует отклонения макроэкономической динамики от равновесной траектории.

Тем не менее, отсюда не вытекает вывод о необходимости запретить или существенно ограничить обращение деривативов для наведения относительного порядка в мировой динамике. Подобные запреты существенно увеличили бы риски частных агентов, не

говоря уж о том, что прок от этих запретов был бы невелик, поскольку практически все операции, осуществляемые сегодня при помощи деривативов, можно в принципе осуществить через обращение обычных банковских тратт, пусть даже довольно экзотическими способами. Но если рынки фьючерсов еще можно кое-как ограничить, то запретить банкам выпускать в обращение тратты — совершенно нереальная задача.

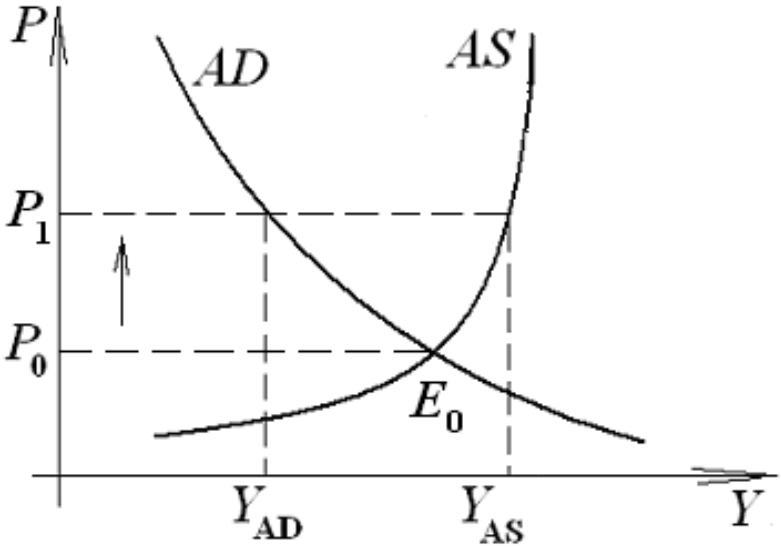

Рис. 3.6. Роль спекулятивных рынков в углублении рецессионного разрыва

К тому же современные задачи гибкого регулирования валютных курсов неразрешимы в условиях золотого стандарта. Сегодня время от времени возникает необходимость повысить курс своей валюты по отношению к какой-то одной, а по отношению к другой — наоборот, ее девальвировать. В эпоху золотого стандарта валютный курс можно отрегулировать только через золото, изменив золотое содержание валютной единицы.

Поэтому в настоящий момент спрос на золото как со стороны частных агентов, так и со стороны центробанков различных стран носит в основном спекулятивный характер. Попытки вновь увеличить долю золота в составе золотовалютных резервов, как пытаются сделать сегодня центробанки некоторых развивающихся стран, – это каменный век экономической политики. Следование подобным рецептам никакой пользы этим странам не принесет. Золото можно накапливать, имея в виду совершенно другие цели, никак не связанные с объемом резервов (например, предпочтение ликвидности).

Что же касается предложений о введении единой мировой валюты, то эти предложения следует разделить на три части – в зависимости от того, какой объем функций предполагается на нее возложить.

А) Если речь идет о формировании мирового *платежного средства*, которое имело бы легальное хождение на территории всего Земного шара, то следует заметить, что введение такой валюты не снизило бы, а существенно повысило бы риски частных агентов. Если всему мировому хозяйству угрожает дефицит ликвидности, чреватый кризисом неплатежей в мировом масштабе, то где вы найдете такое правительство, которое в конце концов проведет взаимозачеты и осуществит «расшивку» этих неплатежей?

Соответствующую функцию должна взять на себя система взаимных соглашений между эмиссионными банками наиболее устойчивых макросистем в мировой экономике, и эту систему соглашений необходимо создавать в ближайшие месяцы, пока ситуация еще не взята под контроль крупнейшими частными банковскими учреждениями наиболее развитых стран мира, готовыми предложить свои посреднические услуги в интересах мирового финансового капитала. Логика, согласно которой наиболее сильные банковские учреждения связываются неким подобием круговой поруки, позволяющей не дать утонуть

потенциально сильному банку, допустившему тактические ошибки краткосрочного характера, отнюдь не нова: подобная система взаимного гарантирования инвестиций и вкладов существует в любой развитой стране. Новизна сложившейся в мире ситуации заключается в том, что теперь, вероятно, предстоит договариваться *эмиссионным* банкам разных стран, что частично ограничит возможности для маневра в национальной экономической политике, если соответствующие решения будут ратифицированы парламентами соответствующих стран. Поэтому можно не сомневаться в том, что единой мировой валюты в том смысле, о котором говорилось выше (как единого платежного средства) мы не увидим еще как минимум в ближайшие 25 лет.

Б) Если речь идет о формировании единой *расчетной единицы*, необходимой для осуществления международных расчетов взамен американского доллара, который занимает в этой сфере лидирующие позиции, то следует напомнить о том, что безналичное платежное средство такого рода уже есть — это СДР, специальные права заимствования. Эту валюту никто, собственно, не отменял, она увяла сама собой, будучи вытесненной американским долларом из международных расчетов. Любая попытка введения подобного платежного средства обернется таким же выкидышем.

В то же время, в условиях фрагментации мирового экономического пространства и усиления позиций региональных международных организаций не исключена возможность формирования подобных валют в разных регионах планеты. Это могут быть искусственные расчетные единицы, курс которых привязывается к некоторой специально сформированной мультивалютной корзине.

В) Если же речь идет о формировании мировых *резервных валют*, то их число будет неизбежно расширяться, прежде всего на региональном уровне, — как за счет уже существующих валютных единиц, так и за счет возникновения новых, межгосударственных.

В этих условиях исторический шанс дается странам БРИК – наиболее быстро растущим экономикам современного мирового хозяйства, к числу которых в последнее время все чаще присоединяют и ЮАР. Регулярно проходящие саммиты стран БРИК дают некоторые надежды на урегулирование разногласий по ключевым финансовым вопросам. Одна из важнейших проблем, требующих обсуждения, заключается в формировании устойчивого финансового союза. Первый шаг на этом пути мог бы заключаться во взаимном обмене определенными объемами государственных финансовых активов, номинированных в национальных валютах соответствующих стран. Свопы такого рода, если они состоятся, автоматически придадут соответствующим четырем валютам статус резервных (независимо от того, что думает по этому поводу МВФ) и существенно облегчат процедуру взаимных расчетов между резидентами этих четырех стран. Даже если конкретные договоренности не будут достигнуты, но удастся просто сблизить позиции Индии и Китая по данному кругу проблем, это можно считать большим успехов в деле формирования контуров новой глобальной финансовой системы.

Эмиссионным банкам других стран, прежде всего соседних со странами БРИК, есть смысл накапливать валюты этих стран, несмотря на то, что они официально не признаны в качестве резервных. По этому пути активно идет Китай, с декабря 2008 года по март 2009 года заключивший несколько договоров о валютных свопах со своими торговыми партнерами — Аргентиной, Южной Кореей, Малайзией, Индонезией, Белоруссией — на общую сумму порядка 95 млрд. дол.

У России подобный опыт пока что не столь успешен. Однако тот факт, что Польша в марте 2009 года рассчиталась с Россией за поставки газа в первом квартале в российских рублях, однозначно показывает, что в качестве резервных могут выступать и валюты, не удовлетворяющие некоторым условиям из весьма широкого перечня требований, предъявляемых к резервным валютам Международным валютным фондом.

Рисуя контуры грядущей глобальной финансовой архитектуры, нужно помнить о том, что кризисные явления в мировом хозяйстве порождены не финансовыми проблемами, а необходимостью осуществления глобальных технологических сдвигов. Поэтому в

деле преодоления кризиса будут наиболее успешными те страны, которые осуществят программы технологической модернизации и обеспечат стимулирование внутреннего совокупного спроса.

В этом смысле России трудно претендовать на лидирующие позиции. На состоявшемся 31 августа 2009 года заседании комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России Президент страны Д.А.Медведев отметил, что задача перевода экономики на инновационный путь развития оказалась полностью провалена [5]. Основная причина этого факта, по мнению Президента, заключается в том, что решению этой задачи не уделялось должного внимания. Однако эта причина, в свою очередь, нуждается в объяснении.

Для того, чтобы реализовать сформулированную Президентом Российской Федерации стратегическую цель «утвердить статус России как современной мировой державы, достигшей успехов на инновационной основе» [36], необходимо на государственном уровне обеспечить формирование и развитие инновационной инфраструктуры, способствующей постановке «на поток» производства научных знаний, которые следует рассматривать как важнейший фактор современного экономического роста. Именно по этому пути идут сегодня страны, претендующие на сколько-нибудь серьезные роли в современном мировом хозяйстве.

Можно утверждать, что на сегодняшний день экономика Китая является наиболее устойчивой в мире и наиболее готовой отразить шоки совокупного спроса, волнами расходящиеся по мировому хозяйству. Поэтому вероятнее всего, что подъем совокупного спроса (а следовательно — и мировой экономический подъем) начнется с экономики КНР.

Наша страна, валюта которой сегодня является одной из наиболее обеспеченных в мире (если судить по объему золотовалютных резервов), примет активное участие в формировании новых контуров глобальной финансовой системы. Есть основания полагать, что на этом пути мы обретем союзников в лице наших стратегических партнеров, с которыми нас связывают долгосрочные глобальные интересы.

4. Готовность к принятию глобальных рисков

Сегодня необходимо осознать, что безоблачное прошлое, когда можно было положиться на действие встроенных стабилизаторов, не вернется никогда. Сбылось проклятие Кейнса, который в свое время утверждал, что традиционный выход из промышленного кризиса, основанный на саморегуляции макросистем, уже невозможен. Без усилий государства нельзя ни преодолеть кризисные явления, ни выстроить траекторию сколько-нибудь устойчивого роста.

Адекватный подход к сложившейся ситуации заключается не в том, чтобы подавить или преодолеть возникающие макроэкономические риски, а в том, чтобы научиться жить в условиях глобальной нестабильности и этими рисками управлять. Приспособить к возникшим условиям экономическую политику государства — задача невероятно сложная, этот путь усеян большим количеством грабель, но альтернативы, к сожалению, нет. Ближайшие годы выдвинут новых лидеров, которые примут этот подход и научатся действовать в системе рисков, неопределенностей и нестабильностей.

Современное управление экономическими системами — это управление беспорядком, сложным и наполненным рисками. Овладение этим искусством станет основным конкурентным преимуществом как фирм, так и целых стран. Таков магистральный путь развития мировой экономики.

Пожелаем друг другу успехов на этом пути.

Литература

1. Акаев А.А. Вывод общего уравнения экономической динамики с нелинейным акселератором и анализ его решений// Труды семинара «Время, хаос и математические проблемы»: Вып. 4/ Сост. А.И.Козко, А.С.Печенцов. М.: КДУ, 2009. — С. 183-202.
2. Ашимов А.А., Боровский Ю.В., Нижегородцев Р.М., Новиков Д.А., Султанов Б.Т. Параметрическое регулирование характеристик конъюнктурных циклов на примере модели Гудвина// Информационная экономика: институциональные проблемы: Материалы Девятых Друкеровских чтений/ Под ред. Р.М.Нижегородцева. М.: Доброе слово, 2009. — С. 53-66.
3. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода //Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990.
4. Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3**.** — С. 26-38.
5. Д.Медведев: задача перевода экономики на инновационный путь провалена [http://www.vedomosti.ru/newsline/index.shtml?2009/08/31/828935].
6. Дубовский С.В. Объект моделирования **—** цикл Кондратьева// Математическое моделирование. 1995. Том 7. № 6. - С. 65-74.
7. Дункан Р. Кризис доллара: причины, последствия, пути выхода. Фундаментальный анализ. М.: Издательский дом «Евро», 2008.
8. Ленин В.И. О монополии внешней торговли// Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. – С. 333-337.
9. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакшин С.С. Применение вычислимых моделей в государственном управлении. М., Научный эксперт. 2007.
10. Макроэкономический анализ и экономическая политика на базе параметрического регулирования: Научная монография/ Авт. колл.: Ашимов А.А., Султанов Б.Т., Адилов Ж.М., Боровский Ю.В., Новиков Д.А., Нижегородцев Р.М., Ашимов Ас.А. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии//Соч. 2-е изд. Т. 4.
12. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I.
13. Нестеров Д. Договариваться не с кем //Экономические известия. Киев, 2011. № 59 (1519). 6 апреля.
14. Нижегородцев Р.М. Глобальная — национальная — региональная экономика: парадоксы кризиса//Философия хозяйства. 2004. № 5. — С. 19-35.
15. Нижегородцев Р.М., Каменская Е.Е., Лохи Сати Ж. Механизмы глобализации финансовых рынков и стратегии развития национальной экономики// Экономическая наука в начале третьего тысячелетия: история и перспективы развития: Материалы международной научной конференции, посвященной 65-летию экономического факультета СПбГУ. Секции 1-3. СПб.: ОЦЭиМ, 2005. — С. 69-71.
16. Нижегородцев Р.М. Блеск и нищета неоклассического синтеза: о методологических основаниях макроэкономических моделей// Экономическая наука в начале третьего тысячелетия: история и перспективы развития: Материалы международной научной конференции, посвященной 65-летию экономического факультета СПбГУ. Секции 1-3. СПб.: ОЦЭиМ, 2005. — С. 71-73.
17. Нижегородцев Р.М. Россия перед выбором: ключевые макроэкономические проблемы и возможные пути их решения// Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. Вып. 7. В 2-х т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — С. 16-31.
18. Нижегородцев Р.М. Проблемы управления инфляцией: современные подходы// Проблемы управления. 2006. № 6. — С. 25-30.
19. Нижегородцев Р.М. Современная инфляция: формы, факторы, последствия и пути

преодоления. Гомель: Центр исследования институтов рынка, 2007. — 51 с.
20. Нижегородцев Р.М. Мирохозяйственное значение китайских реформ// Инновационные технологии социально-экономического комплекса: III международная научно-практическая конференция: Сб. науч. трудов. Часть II. Подольск: Ин-т экономики, 2007. — С. 53-60.
21. Нижегородцев Р.М. Поиск «точек роста» и альтернатива Хаавельмо// Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем: Тезисы докладов V Международной научно-практической конференции, Гомель, 29-30 ноября 2007 г./ Под общ. ред. Р.И.Громыко. Гомель: ГГТУ им. П.О.Сухого, 2007. — С. 77-79.
22. Нижегородцев Р.М. Основы экономической теории: Обзорный курс лекций для студентов экономических специальностей. М.: Доброе слово, 2008. — 216 с.
23. Нижегородцев Р.М. Сценарии неравновесной динамики и ключевые альтернативы макроэкономической политики России// Экономика и управление собственностью: Научно-практический журнал. М., 2008. Специальный выпуск. — С. 32-39.
24. Нижегородцев Р.М. Альтернатива Хаавельмо и точки роста современной экономики России// Стратегическое планирование и развитие предприятий. Москва, 15-16 апреля 2008 г. Материалы Девятого всероссийского симпозиума. Секция 2. Модели и методы разработки стратегии предприятия. М., 2008. — С. 123-125.
25. Нижегородцев Р.М. Поляризация экономического пространства России и задачи экономической науки// Вестник экономической интеграции. 2008. № 3. — С. 5-10.
26. Нижегородцев Р.М. Рецессионный разрыв в экономике США и мировой финансовый кризис// Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 2. — С. 39-49.
27. Нижегородцев Р.М., Стрелецкий А.С. Мировой финансовый кризис: причины, механизмы, последствия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — 64 с.
28. Нижегородцев Р.М. Мировой экономический кризис и перспективы глобальной экономики// Мировой экономический кризис: теория, методология, практика/ Под ред. А.А. Абишева, Т.И.Мухамбетова. Алматы: Экономика, 2009. — С. 737-770.
29. Нижегородцев Р.М. Мировой кризис и экономика России: уроки, механизмы, последствия// Стратегия обеспечения экономической безопасности России: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Часть 1. Краснодар, 2009. — С. 10-23.
30. Нижегородцев Р.М. Новые аспекты мирового кризиса: катастрофы реальные и мнимые// Управленец. Екатеринбург, 2009. № 1-2 (август — сентябрь). — С. 14-19.
31. Нижегородцев Р.М. Цикличность мультипликационных эффектов в экономике: проблемы причинности и моделирования// Теоретические и практические проблемы формирования инновационной экономики: Восьмые Друкеровские чтения, посвященные 100-летию со дня рожд. П.Друкера: Сб. науч. ст. Гомель: ЦИИР, 2009. — С. 141-144.
32. Нижегородцев Р.М. Эвристические возможности модели AD—AS: экономический рост, неравновесие, цикличность// Экономические системы и их трансформация в XXI веке: теория, методология, практика/ Под ред. А.А. Абишева, Т.И.Мухамбетова. Алматы: Экономика, 2010. — С. 48-78.
33. Нижегородцев Р.М. Альтернатива Хаавельмо: управление мультипликационными эффектами// Социальная экономики в условиях цивилизационных перемен в современном мире: парадигмы и векторы развития: Материалы международной научно-практической конференции. I том. Алматы: Экономика, 2010. — С. 125-132.
34. Нижегородцев Р.М. Мультипликационные эффекты как эффекты обучения современных макросистем// Два взгляда на конкуренцию: государство и бизнес: Материалы круглого стола VI Байкальского экономического форума/ Под науч. ред. В.И.Самарухи. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – С. 152-156.

35. Нижегородцев Р.М. Роль деривативов в развертывании современного экономического кризиса: вызовы и решения // Глобализация экономики и российские производственные предприятия: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2011. – С. 13-17.
36. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 30.11.2010 г. [http://www.kremlin.ru/].
37. Президент Чехии: Евросоюз превращается в СССР [http://top.rbc.ru/politics/24/02/2009/282576.shtml].
38. Сухарев О.С., Шманев С.В. Инвестиции в человека: фирма и система высшего образования (аспекты моделирования)// Проблема человеческого капитала: теория и современная практика: Материалы Вторых Друкеровских чтений/ Под ред. Р.М.Нижегородцева. М.: Доброе слово, 2007.
39. Шустова А.В. Среднесрочные циклы в экономике Китая// Вестник экономической интеграции. 2010. № 7. - С. 185-193.
40. Mensch G.O. Stalemate in technology: Innovation overcomes the depression. Cambridge (Mass.): Ballinger, 1979.
41. http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?R0pdqutuso,lxqol!z,lto9.
42. http://www.businessvoc.ru/bv/Term.asp?theme=12&word_id=13588.

Научное издание

Роберт Михайлович Нижегородцев

НЕРАВНОВЕСНАЯ ДИНАМИКА МАКРОСИСТЕМ
И МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИРОВОГО КРИЗИСА

Техн. ред.: Новосельцева К.И.

Подписано в печать 05.12.2011 г.
Формат 60x90 1/16. Печать цифровая. Усл. п. л. 6,3- Тираж 100 экз.
Издательство «НОК». 346430. Новочеркасск, ул. Дворцовая, 1.
346430 Новочеркасск, ул. Дворцовая, 1. E-mail: nok.company@gmail.com
Отпечатано ООО НЛП «НОК». 346428. Новочеркасск, ул. Просвещения, 155А.

Нижегородцев Роберт Михайлович - доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института проблем управления РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Руководитель и участник исследований по проблемам информационной экономики (экономики НИОКР и инноваций); моделирования и прогнозирования экономической динамики; макроэкономики и экономической политики; региональной экономики; институциональной экономики. Автор более 500 научных публикаций, в том числе 12 монографий, более 70 статей в ведущих научных журналах.

Nizhegorodtsev Robert M. - doctor of economics, laboratory chief in Institute for Control Studies RAS, professor in Russian Government's Finan-cial University. Leader and participant of numerous research projects, de-voted to problems of informational economics (economics of innovations and R&D); economic dynamics forecasting and modeling; macroeconomics and economic policy; regional economy; institutional economics. Author of more than 500 scientific publications, including 12 monographs and more than 70 articles in top-level scientific journals.

117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 65, ИПУ РАН, лаб. 67
e-mail: bell44@rambler.ru